

Потерянный рай

Автор:

Джон Мильтон

Потерянный рай

Джон Мильтон

Поэма «Потерянный рай», созданная величайшим британским поэтом и публицистом Джоном Мильтоном – одно из самых замечательных явлений в английской литературе 17 века.

В творении, посвященном христианской теме грехопадения, пуританину Мильтону удивительно удалось совместить чувства, стиль и дух античности и Возрождения, нотки прометеевского свободолюбия и гуманистического опыта возвеличивания человека. Однако автор напоминает, что источник всех зол – та нездоровая жажда свободы, в основе которой лежит гордость и самопревозношение.

Книга представлена в прекрасном и мелодичном прозаическом переводе, осуществленном А. Шульговской в конце 19 века.

Джон Мильтон

Потерянный рай

Песнь 1-я

Содержание

В первой песне сначала вкратце излагается все содержание: слушание Человека и потеря вследствие этого Рая, бывшего его жилищем; далее рассказывается о первоначальной причине его падения, о Змее или Сатане в виде змея, который восстал против Бога и, возмутив многие легионы Ангелов, был, по повелению Божию, со всем своим войском низвержен с небес в бездну. Далее, вкратце упомянув об этом, поэма повествует о Сатане с его Ангелами, низверженными теперь в Ад. Описание Ада, но не в центре мира (так как предполагается, что Небо и Земля не были еще созданы, следовательно на них и не лежало проклятия), а в области полной тьмы или, вернее сказать, Хаоса. Здесь Сатана лежит со своими Ангелами на огненном озере, уничтоженный, пораженный; через некоторое время он приходит в себя, как бы от смутного сна, зовет того, кто первый по чину лежит возле него; они рассуждают о своем позорном падении. Сатана будит все свои легионы, которые также лежали до сих пор, точно пораженные громом: они поднимаются; число их несметно; они строятся в боевом порядке; главные вожди их называются именами идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседних землях. К ним обращается Сатана с речью, утешает их надеждой еще вернуть Небо, и говорит им в конце о новом мире, о новых существах, которые должны быть созданы, согласно древнему пророчеству или преданию на Небе; Ангелы же, по мнению многих древних Отцов, были созданы гораздо раньше видимого мира. Чтобы обсудить истину этого пророчества, и сообразно с этим решить свой образ действий, Сатана созывает весь совет. На таком решении останавливаются его товарищи. Из преисподней вдруг поднимается Пандемониум – дворец Сатаны; адские власти сидят там и держат совет.

Воспой, небесная Муза[1 - Музы, или богини искусств и наук – образы римской и греческой мифологии; они возбуждают великодушие, направляют сердца к добру, поучают и вдохновляют смертных; поэтому древние поэты часто прибегали к помощи муз; этот обычай перешел и к поэтам позднейшего времени, например, «Мессиада» Клопштока начинается таким же воззванием.], первое слушание человека и плод того запретного дерева, смертельный вкус которого, лишив нас Рая, принес в мир смерть и все наши горести, пока Величайший из людей не пришел спасти нас и возвратить нам блаженное жилище. Не ты ли, о Муза, на таинственной вершине Хорива[2 - Хорив – гора в пустыне каменистой Аравии, где Моисей пас стада Ихэфора, когда ему явился Бог в огненном кусте.] или на Синае вдохновила Пастыря, впервые поведавшего

избранному народу, как небеса и земля поднялись из Хаоса[3 - В первой книге Моисея «Бытие» говорится о сотворении мира.]. Или, может быть, тебе приятнее высоты Сиона и Силоамский ручей[4 - Источник у подошвы Сионской горы; водой его Иисус Христос исцелил слепорожденного.], протекавший у самого прорицалища Господня[5 - Святая святых в Иерусалимском храме, где первосвященники в затруднительных случаях просили совета у Бога. По сказаниям раввинов, ответ получался через появление известных букв на нагруднике первосвященников. В Св. Писании об этом ничего не говорится.], то я оттуда призываю твою помощь в моей отважной песне. Не робок будет ее полет: выше горы Аонийской[6 - Гора Геликон – жилище муз греческой мифологии. Здесь намекается на то, что поэт стремится к таким высоким вещам, для которых недостаточно вдохновения этих муз.] взвьется она, чтобы поведать вещи, каких не смели еще коснуться ни стих, ни проза.

Тебя всего более молю о Духе Святом, Ты, для Кого прямое и чистое сердце выше всех храмов, вразуми меня; Ты все знаешь: Ты присутствовал при начале творения и, подобно голубю, распутив могучие крылья над громадной бездной, даровал ей плодотворную силу. Все темное во мне просвети, все низкое возвысь, подкрепи мой дух, чтобы я, будучи достойным того, дал уразуметь людям вечное Провидение и оправдать пути Всевышнего.

Прежде всего скажи мне, потому что ведь ни на Небе, ни в глубочайших безднах Ада, ничто не скрыто от Твоих взоров, – скажи мне прежде всего: что побудило наших прародителей, в их блаженном состоянии, столь щедро осыпанных небесными милостями, отпасть от их Творца и преступить Его волю, когда она, налагая на них только одно запрещение, оставляла их владыками всего остального мира? Кто первый соблазнил их на эту измену? Проклятый Змей: он, в своем коварстве, кипя завистью и местью, обольстил проматерь человечества, когда за гордость был низвергнут с Неба со всем сонмом мятежных Ангелов. Он мечтал, надменный, подняв восстание, с их помощью возвыситься над всеми небесными властями; он надеялся даже стать равным Всевышнему. С такими дерзновенными замыслами против престола и царства Господа Бога он поднял на Небе нечестивую войну. Тщетная попытка! Всемогущий сбросил его с небесных пространств в крошечную бездну гибели; в безобразном своем падении, объятый пламенем, стремглав летел он в бездонную пучину. Страшная кара ждала там дерзновенного, осмелившегося поднять руку на Вседержителя: закованный в алмазные цепи, он должен томиться там в муках неугасимого огня. Уже прошло столько времени, сколько для смертных девять раз день сменяется ночью, а он, побежденный, все еще лежал со своим ужасным войском в огненном море, погибший и все-таки бессмертный. Но ему суждена еще

худшая кара: вечно терзаться об утраченном счастье и мыслью о беспредельной муке. Он поводит вокруг зловещими глазами; безмерная тоска и страх выражаются в них, но вместе с тем и непреклонная гордость, непримиримая злоба. Одним взглядом, так далеко, как может проникать только взор бессмертных, озирает он пространства обширные, дикие, полные ужаса; эта страшная тюрьма заключена в круге, как в громадном пылающем горниле, но пламя это не дает света: в видимом мраке оно только явственнее выделяло картины скорби, места печали, унылые тени, где никогда не могут быть известны мир и покой; даже надежда, которая никого не оставляет, и та никогда не проникнет сюда; это юдоль нескончаемых терзаний, всепожирающее море огня, питаемое вечно пылающей, но несгораемой серой. Таково жилище, приготовленное предвечным правосудием для этих мятежников; они осуждены на заключение здесь в полном мраке; от Бога и Его небесного света их отделяет пространство в три раза большее, чем расстояние от середины земли до крайнего полюса. О, как не похоже это жилище на то, откуда они ниспали! Сатана скоро узнает товарищей своего падения, раздавленных горами огненных волн и терзаемых бурными вихрями. Ближе всех к нему метался, первый после него по власти, также как по преступлениям, дух, много веков позже узнанный в Палестине и именованный Вельзевулом[7 - Вельзевулу поклонялись филистимляне; идол его стоял в Аккароне; позднее его считали начальником над злыми духами.]?. К нему Архивраг Неба, за то названный там Сатаной[8 - Сатана - еврейское слово, означает «враг».], дерзкими словами нарушая зловещую тишину, вещает так: «О, неужели ты тот дух... но как низко пал ты! Как не похож ты на того, кто в блаженном царстве света затмевал своим лучезарным одеянием мириады блестящих херувимов! Неужели ты тот самый дух, мысли, планы, гордые надежды которого были некогда союзником в смелом и славном предприятии? Теперь несчастье снова соединило нас. Ты видишь, в какую бездну низринуты мы с горней выси Тем, Кто победил нас Своими громами? Кто же подозревал о таком могуществе? Но, несмотря ни на эту силу, несмотря ни на что, чем бы Державный Победитель ни наказал нас еще в Своем гневе, я не раскаиваюсь. Потерян мой внешний блеск, но ничто не изменит во мне твердости духа и того высокого негодования, какое внушает мне чувство оскорбленного достоинства, негодования, подвигшего меня на борьбу с Всемогущим. В этой яростной войне перешли на мою сторону несметные силы вооруженных Духов, дерзнувших отвергнуть Его власть и предпочесть мою. Встретились обе силы, огласились небесные равнины громами битв, поколебался престол Всевышнего. Ну и что же, если потеряно поле сражения, еще не все погибло! У нас осталась наша непоколебимая воля, жажда мщения, наша непримиримая ненависть, мужество. Никогда мы не уступим, никогда не покоримся; в этом мы непобедимы! Нет, ни гнев, ни Его всемогущество никогда

не заставят преклоняться перед Ним, на коленях молить о пощаде, боготворить Того, Кто так недавно еще перед этой рукой трепетал за Свое царство? О, какая низость! Такое бесчестие, такой стыд позорнее нашего падения. Но, по определению судеб, наше божественное начало и небесное естество вечны; наученные опытом этого великого события, мы не стали хуже владеть оружием, и приобрели опыт: мы можем теперь с большей надеждой на успех, силой или хитростью, начать вечную непримиримую войну с нашим великим врагом, тем, что теперь торжествует, и, ликуя, один, всевластным деспотом, царит в Небе». – Так говорил Ангел-отступник, стараясь хвастливыми речами заглушить глубоко терзавшее его отчаяние. Его отважный сообщник, не медля, отвечает ему: «О Царь, о Повелитель бесчисленных тронов, ты, ведший в бой несметные сонмы серафимов, ты, неустрашимый в боях, заставивший трепетать вечного Царя Небес, ты, дерзнувший испытать, чем держится Его верховная власть: силой, случаем или предначертанием судеб! Слишком ясно вижу я последствия ужасного события: наш позор, наше страшное падение! Небо потеряно для нас; наши могучие рати сброшены в глубочайшую пропасть и гибнут в ней, как только могут гибнуть боги и небесные естества. Правда, мрачен наш блеск, и былые дни блаженства поглощены в пучине нескончаемых зол, но дух наш непобедим; прежняя мощь скоро вернется к нам. Но что, если наш Победитель (я невольно признаю Его теперь Всемогущим, ибо только всемогущая власть могла преодолеть такую силу, как наша), – что, если Он оставил нам всю крепость духа для того лишь, чтобы дать нам силы переносить наши муки и исполнить этим Его гневное мщение, или для того, чтобы на нас, как на военнопленных, возложить самые тяжкие труды в недрах Ада, где мы должны будем работать в огне или служить Его гонцами в глубинах преисподней?.. К чему послужит нам тогда сознание неутраченной силы и бессмертия, неужели для того только, чтобы сносить вечные муки?»

На это Дух зла быстро отвечал: «Падший херувим! В труде или в страдании быть слабым – вот величайшее несчастье. Знай одно: добро никогда не будет нашим уделом; напротив, естественным нашим наслаждением будет порождать вечное зло, наперекор высокой воли Того, с кем мы боремся. Если бы Его помысел захотел направить к добру наше зло, мы должны стараться расстроить Его намерения, и в самом добре всегда отыскивать источник зла: это может часто удаваться нам и, если я не ошибаюсь, может быть будет раздражать врага, отклонять от цели самые сокровенные Его предначертания. Но, посмотри, гневный победитель отозвал назад к воротам Ада исполнителей мщения, посланных Им для преследования нас. Серный град, так беспощадно бичевавший нас во время нашего страшного падения с Неба, улегся в огненных волнах, которые приняли нас в себя. Гром, с бешеной яростью гнавший нас на

крыльях багровых молний, может быть, истощив все свои стрелы, стих, наконец, в беспредельных, необъятных пространствах. Презрение или насыщенная злоба врага прекратили гонение, нам надо пользоваться случаем. Видишь там, вдали, ту печальную долину, пустынную и дикую, – это жилище скорби, без света, кроме бледного, наводящего ужас, отражения багрового пламени! Попробуем вырваться из огненных волн, и отдохнем там, если только здесь возможен покой. Соберем туда наше огорченное воинство, посоветуемся, как больше всего можем мы оскорблять врага, как нам возратить потерю, побороть страшное бедствие; может быть, мы почерпнем новые силы в надежде; если нет, – нас вдохновит отчаяние».

Так вещает Сатана ближайшему своему собрату, подняв голову над волнами и сверкая искрами из пылающих глаз. Остальные части его тела плавали на поверхности, растянувшись в длину и ширину на многие версты. Громадная его масса подобна сказочным чудовищам: порождениям земли, Титанам, восставшим на Зевса, Бриарейю или Тифону[9 - Титаны или гиганты – существа греческой мифологии, воевавшие с богами; Бриарей – один из трех братьев-чудовищ, имевших сто рук и пятьдесят голов. Они помогли богам победить Титанов. Тифон – гигант, порождавший бури и, временами, извергавший из себя пламя.], погребенному в пещере близ древнего Тарса. Или подобен он был морскому зверю Левиафану[10 - Об этом водяном животном упоминается в Библии.], крупнейшему из всех существ, сотворенных рукою Бога, когда Он населял воды океанов. Часто, рассказывают мореходы, ночью, кормчий сбившегося с пути судна, увидев на белой пене норвежских волн спящее чудовище, принимает его за остров и вонзает якорь в чешуйчатую его кожу; тут находит он защиту от ветра, пока море покоится под покровом ночи, ожидая прихода желанного утра. Так, распростертый в громадном пространстве, лежал в пылающей пучине удрученный Сатана. Никогда бы не мог он не только подняться, но даже чуть-чуть приподнять голову, если бы волей всевышних Небес не было ему предоставлено полной свободы в черных его умыслах, чтобы он, делая зло другим, бездной своих преступлений навлек проклятие на свою собственную голову; чтобы он терзался все больше, видя, что вся его злоба вызывает только бесконечную доброту, благость и милосердие Божие к соблазненному им человеку, а на него, Сатану, навлекает тройную меру бедствий, гнева и кары.

Вдруг он поднимается из озера во весь свой гигантский рост; раздвигает обеими руками пламя, и оно, отхлынув назад, обращает в них свои остроконечные языки и, катясь огненными валами, оставляет в середине ужасную долину. Потом, распустив крылья, он летит в вышину. Темный воздух, который он давит своей

распростертой массой, чувствует непривычную тяжесть, пока он не опустился на твердую землю, если можно назвать землей то место, вечно горящее неподвижным, твердым огнем, как то озеро – текущим пламенем. Цветом оно подобно было растерзанным бокам Пелора[11 - Пелор – северо-восточный мыс Сицилии.], когда силой подземной бури отрывает от него скалу, или раскаленным внутренностям грохочущей Энты, когда она, дыша пламенем, выбрасывает огонь и лаву, распространяя зловонный смрад и окутывая дымом сожженную землю: таково было место покоя, попираемое теперь проклятою стопою Сатаны. За ним следует ближайший его собрат; оба торжествуют, что избежали Стигийских волн[12 - Волны Стикса – реки, которая, по мифологии, семь раз опоясывала подземный мир.], как боги, своей собственной силой, а не соизволением Верховной Власти.

– И эта страна, эта почва, этот воздух должны заменить нам небесное жилище! – воскликнул Архангел. – Вместо небесного сияния будет окружать нас этот унылый мрак? Пусть так; Тот, Кто остался теперь Владыкой, может распоряжаться и повелевать по произволу; быть как можно дальше от Него всего лучше для нас, равных Ему по разуму, равных, которых Он превзошел только силой. Простите, счастливые долины Небес, обитель вечной радости, прости! Привет вам, ужасы тьмы! Привет тебе, Ад! Преисподняя, встречай твоего нового владыку; он приносит тебе непреклонный дух; не изменят его ни время, ни место. Дух живет сам в себе; он может внутри себя из Неба сделать Ад, и Ад превратить в Небо. Не все ли равно, где я буду жить – я останусь все тем же, что есть, а чем бы я ни был, я всегда буду ниже Того, Кто возвысился надо мной только благодаря Своим громам. Здесь, по крайней мере, мы будем свободны. Самодержавный властитель не позавидует этому месту; отсюда Он не изгонит нас. Здесь царство наше будет безопасно, а, по-моему, царствовать даже в Аду – достойно честолюбия. Лучше царствовать в Аду, чем подчиняться на Небе!

– Но зачем же оставляем мы наших верных друзей и союзников, соучастников нашего бедствия, в безмолвном ужасе на озере забвения? Разве мы не призовем их разделить с нами это злополучное пристанище? Или еще раз, объединившись, не попробуем, что можем мы вернуть в Небе или что еще утратить в Аду? – так говорил Сатана.

Вельзевул отвечает ему: «Вождь лучезарных сонмов, которых никто бы не мог победить, кроме Вседержителя! Пусть раздастся Твой голос, верный залог надежды среди опасностей и страха, голос, так часто воодушевлявший в минуты

отчаяния, в разгаре битвы, где она кипела всего ожесточеннее; пусть раздастся этот голос, верный знак к приступу, и легионы твои мгновенно оживут и воспрянут с новым мужеством. А теперь они мечутся в беспамятстве, распростерты на том огненном озере, как мы недавно; они поражены и потрясены. Неудивительно, после падения с такой неизмеримой выси!»

Едва он закончил, как Сатана направляется к огненной бездне. Он откинул назад свой тяжелый щит; массивный, громадный круг висит на его плечах, подобно луне, которую по вечерам Тосканский ученый[13 - Галилей - изобретатель телескопа. Мильтон, в свою бытность в Италии, посещал в Сиене, близ Флоренции, знаменитого астронома, ослепшего и, вследствие преследований инквизиции, томившегося в изгнании.] с Фиезольских[14 - Фиезольская гора, возвышающаяся над Флоренцией и ее окрестностями.] высот или с равнины Вальдарно[15 - Вальдарно - место, где находится теперь Флоренция.] разглядывал в оптическое стекло, стараясь различить новые земли, реки, горы на ее, усеянном пятнами, шаре. Опираясь на копье, в сравнении с которым величайшая сосна, срубленная на горах Норвегии, чтобы превратиться в мачту для величайшего из наших кораблей, показалась бы тростинкой, идет он неверными шагами по горящим глыбам. Те ли это воздушные стопы, какими, бывало, проносился он по небесной лазури! Жгучий жар огненных сводов, духота и смрад причиняют ему тяжкие страдания, но он все переносит и, наконец, достигает берега огненной пучины. Там он останавливается; он зовет свои легионы. То были лишь тени ангельских ликом; они лежали, наваленные друг на друга, словно осенние листья, покрывающие густым слоем Валломбросские[16 - Валломброза - лесистая местность в нескольких милях от Флоренции.] ручьи, осененные тенистыми куполами Этрурийских лесов; так густо покрывал берега Чермного моря переломанный бурей тростник, когда Орион[17 - Орион - великан и отважный охотник, получивший от отца своего, Нептуна, способность ходить по морю; он был поселен среди звезд и образовал созвездие, в котором насчитывается до 2000 звезд. Орион считался богом ветров.] яростными ветрами взволновал море, и волны его потопили Бузириса[18 - Бузирисами называли на берегах Чермного моря фараонов из Бузириса, города у восточного рукава Нила.] с его Мемфийской конницей, когда он коварно преследовал бывших обитателей Гесема[19 - Израильтяне, вышедшие из Египта.], а те смотрели с безопасного берега на плывущие трупы, колеса, разбитые колесницы врага. В таком жалком, растерзанном виде, подавленные ужасом, лежали эти легионы, густо усеяв поверхность озера. Сатана зовет их так громко, что голос его раздается в глубочайших ущельях Ада: «Князья, Цари, Воины, лучший цвет Неба, некогда вашего, теперь потерянного для вас! Возможно ли, чтобы такое уныние овладевало бессмертными? Или, утомясь в

войне, вы избрали это место для отдыха от ваших подвигов? Можно подумать, с таким спокойствием предаетесь вы здесь сладостной дремоте, точно в долинах небесных. Иль, может быть, вы дали клятву в этом униженном положении воздавать поклонение победителю? А Он в эту минуту смотрит, как херувимы и серафимы, разбитые, уничтоженные, валяются здесь вместе с обломками своих знамен и оружий! Верно вы ждете, чтобы быстрые слуги Его, разглядев с небесных высот наше плачевное положение и воспользовавшись им, бросились на нас и приковали громовыми стрелами на дне этой бездны? Проснитесь, восстаньте! Или оставайтесь падшими навек!»

Они, услышав его голос, сгорая от стыда, воспрянули. Так часовой, которого строгий начальник застал спящим, вздрагивает и смутно озирается кругом, пока совсем не очнется от сна. Падшие Ангелы не сознавали ужаса своего положения, не чувствовали ужасных мук, но голос вождя мгновенно выводит их из оцепенения, и они, эти бесчисленные легионы, послушно покоряются ему. Так, в тот роковой для Египта день, когда могущественный жезл сына Амрамова[20 - Моисей] взмахнул над берегом, черные тучи саранчи, гонимые восточным ветром, как ночь повисли над нечестивым царством Фараона и затемнили все нильские страны: так же бесчисленны были падшие Ангелы, парившие под адскими сводами сквозь огонь, охватывавший их сверху, снизу, отовсюду. Но вот их великий Султан[21 - Здесь Сатана назван султаном, вероятно, потому, что во времена Мильтона турецкие полчища часто наводняли христианские земли, например, Венгрию, Австрию.] поднял свое копье; по этому знаку они плавно опускаются на затверделую серу, заняв своей массой всю равнину. Никогда многолюдный север не извергал такой толпы из ледяных чресл своих, когда дикие сыны его, перейдя Рейн и Дунай, подобно стремительному потоку, наводнили юг, разлившись от Гибралтара до песчаных пустынь Ливийских.

Начальники отрядов, вожди легионов, выйдя из рядов, спешат к тому месту, где остановился их великий полководец. Богоподобные, они блистают красотой, далеко превосходящей человеческую; они, некогда облеченные царским достоинством, восседавшие на тронах в небесном царстве. Теперь же и след их имен уничтожен в небесных летописях; своим возмущением они навсегда стерли их из книги жизни[22 - См. «Исход», глав. 32:33.]. Им еще не были наречены новые имена, данные им сынами Евы, когда Господь, чтобы испытать человеческую слабость, дозволит им ходить по земле; тогда, хитростью и обманами, они развратили большую часть человеческого рода; они совращали людей забывать Создателя, и часто соблазняли их: невидимый образ Давшего им бытие уподоблять образу скотов, которых украшали и чествовали с веселыми обрядами на торжествах, исполненных пышности и блеска, или поклоняться

злым духам, как божествам; тогда они стали известны людям под именами различных идолов языческого мира.

Муза, скажи мне имена, известные тогда; кто первый, кто последний, стряхнув с себя сон, поднялся с огненного ложа на призыв своего великого царя; расскажи, как они все, каждый по своему чину, по одиночке, приближались к нему на обнаженный берег, где он остановился, между тем как толпа, еще не пришедшая в себя, держалась в отдалении.

Главными вождями были те духи, которые, вырвавшись впоследствии из Ада и бродя по земле для отыскания себе добычи, дерзнули ставить свои капища рядом с храмами Господа Бога, воздвигать свои алтари рядом с Его алтарями, и, заставив народы обожать себя как богов, простерли свою дерзость до того, что стали оспаривать царство Иеговы, Который, окруженный серафимами, правит громами с высоты Сиона. О мерзость! Кумиры их часто ставились в самом святилище Всевышнего. Священные обряды, праздничные торжества осквернялись их богохульством; с своим мраком они осмеливались приступать к Его божественному свету!

Первый приближается Молох[23 - Молох или Малькам, бог аммонитян, которому приносились человеческие жертвы.], ужасный царь, запятнанный кровью человеческих жертв; напрасно лились слезы отцов и матерей; вопли младенцев, которых влачили в огонь, на алтарь мрачного идола, заглушались громом труб и литавр. Ему поклонялись аммонитяне в Раббе[24 - Рабба - главный город аммонитян.] и во всей влажной долине, в Аргобе и Васане[25 - Аргоб - местность к востоку от Генисаретского озера, в царстве Васанском.], до самых дальних берегов Арнона[26 - Арнон - ручей, служивший границей между землями моавитян и аммонитян.]. Ему мало было дерзновенного приближения к священным местам: он развратил еще мудрое сердце Соломона; прельщенный его обманом, царь этот воздвиг ему капище напротив храма Господня, на горе, ставшей с тех пор горой позора; и прелестная долина Енномская осенилась дубравой, посвященной Молоху; с тех пор она стала называться Тофетом[27 - Тофет - место в Енномской долине, к юго-востоку от Иерусалима; там израильтяне, предавшиеся идолопоклонству, приносили жертвы Молоху, сжигая детей на кострах.] или черной Геенной, прообразом Ада.

Второй был Хамос[28 - Хамос - бог моавитян; он назывался также Тором, Ваалом и Веелом.], ужас и срам сынов Моава! Ему поклонялись от Арфира до Нававы, в знойных степях Аворима, в Гезебоне и Хоронаиме[29 - «Пророчество Исаяи»,

15:5, «Иеремии», 40:35.], Сеонских царствах и далее, за пределами цветущей долины Сивмы, одетой виноградниками, и в Элеале до Асфальтского моря[30 - Мертвое море.]. Под другим именем, Фегора, дух этот соблазнил в Ситтима[31 - Ситтим - моавитская долина напротив Иерихона, последняя остановка израильтян перед переходом через Иордан; там они были вовлечены моавитянами в идолопоклонство. См. «Книга Чисел», 25:3.] бегущих с берегов Нила израильтян на развратное поклонение себе, что вовлекло их в великие несчастья. Отсюда он распространил эти сладострастные оргии до той горы соблазна, у дубравы, посвященной человекоубийце - Молоху. Там разврат царствовал вместе со злодейством, пока благочестивый Иосия не низринул идолов в Ад.

За ними следовала толпа духов, которые от берегов древнего Евфрата до реки, составляющей границу между Египтом и Сирией, были обожаемы под общими именами Ваала и Астарофа[32 - Это были преимущественно идола сидонцев, финикийцев и самаритян. Под именем Ваала подразумевалось солнце; Астарта, или луна, считалась его супругой.], первые - мужского, вторые - женского пола: духи могут принимать облик того или другого пола, или одновременно оба - так легко их естество, не связанное ни одним нервом, не отягченное никакой грубой оболочкой, не держащееся на брэнном костяном остове, подобно тяжеловесной плоти.

Но в какой бы форме ни являлись они, в воздушной или телесной, блестящей или темной, они всегда искусно приводят в исполнение свои быстрые планы, то поселяя в нашем сердце любовь, то разжигая в нем ненависть. Часто дети Израилевы оставляли ради них Творца, давшего им жизнь, и, забыв Его законный престол, простирались перед скотами, изображавшими этих богов. Вот почему головы их, привыкшие нагибаться под гнетом позора, так низко склонялись в битвах, так бесчестно пали от меча презренных врагов. С ними, окруженный своей свитой, явился Астареф с челом, осененным полумесяцем; финикийцы называли его Астартой, царицей Неба. Ночной порою, при свете луны, сидонские девы пели гимны и приносили мольбы перед блестящим изображением богини; такими же песнями в честь ее оглашался Сион; там, на горе обиды, стоял ее храм, построенный женолюбивым царем, который, поддавшись обольщению прекрасных язычниц, поклонился мерзостным идолам.

Вслед за богиней шел Таммуз[33 - Таммуз - сирийский Адонис; по их верованию, бог этот каждый год умирал и снова оживал. Женщины ежегодно оплакивали его судьбу и предавались в честь бога пороку. См. «Иезекииль», 8:13, 14.]; его

ежегодная рана, в начале лета, созывала на Ливанские долины толпы молодых сириянок; целый день в любовных песнях оплакивали эти девы участь бога; созерцая, как тихий Адонис несет с родной скалы в море пурпуровые воды свои, они воображали, что их окрасила так кровь несчастного, ежегодно ранимого Таммуза. Порочные дочери Сиона пламенно верили этой любовной сказке. Иезекииль, стоя под священным портиком, видел их сладострастное томление, когда глазам его было открыто в видении гнусное идолопоклонство неверного племени Иудина[34 - «Иезекииль», 8:12.].

Далее шел Дух, проливавший горькие слезы, когда плененный ковчег разбил его звероподобного истукана; с оторванной головой и руками он пал на пороге своего же собственного капища, посрамив своих поклонников. Дагон – имя его[35 - Женское божество филистимлян.], морское чудовище – получеловек, полурыба. Это не мешало городу Азоту воздвигнуть ему великолепный храм, и по всему побережью Палестины, в Гафе, в Аскалоне и до пределов Аккарона и Газы трепетали от имени этого божества. За Дагоном шел Риммон[36 - Риммон – сирийское божество, см. «Книга Царств», 4:5,18. Дамаск – древний город Сирии, был известен уже во времена Авраама.]; очаровательным жилищем его был прекрасный Дамаск, на плодоносных берегах Авана и Фарфара, прозрачных рек. И он также нагло оскорблял дом Божий: однажды, потеряв прокаженного, он приобрел царя[37 - Нааман – полководец сирийского царя Бенадада, был поражен проказой и, услышав о чудодейственной силе пророка в Самарии, обратился к израильскому царю Ахазу, который послал его к пророку Елисею. Когда тот исцелил его, приказав семь раз выкупаться в Иордане, Нааман отказался от идолопоклонства, но царь иудейский Ахаз, низвергший идолов, сам сделался идолопоклонником.], он заставил своего победителя Ахаза разрушить Божий храм, а на его месте воздвигнуть сирийское капище, где этот слабоумный царь поклонялся им же побежденным богам и сжигал в их честь мерзкие жертвоприношения. Далее предстало множество духов, известных некогда под знаменитыми именами Озириса, Изиды и Гора[38 - Озирис – египетское божество благотворной, созидательной силы солнца, света, – брат и супруг Изиды, Гора – их сын.], с их свитой.

Чудовищными образами и волшебствами они обольщали в Египте его фанатических жрецов, чтобы те олицетворяли своих бродящих богов не в человеческом, а зверином образе. Не избегнул этой заразы и Израиль, когда на Хориве превратил выпрошенное золото в тельца[39 - См. «Исход», 11:2, 36 и 32:2–4.], беззаконный царь[40 - Иеровоам.] дважды повторил это преступление в Дане и Вефиле, уподобив образу упитанного вола своего Создателя, Иегову, в одну ночь прошедшего Египет и сокрушившего одним ударом как всех его

перворожденных младенцев, так и всех его блеющих врагов.

Последним шел Велиал[41 - Велиал – бог ада, олицетворение низости.], из всех падших Ангелов самый развращенный, всем существом преданный пороку, из любви к самому пороку; ему не ставили капищ, ни один алтарь не дымился для него; но кто же из злых духов чаще его проникал в храмы, осквернял алтари, когда даже священники впадали в безбожие, как дети Илия, наполнившие дом Божий буйством и развратом? Царство Велиала везде: в чертогах, во дворцах, в роскошных городах, где шум бесстыдного веселья, насилий и неправд поднимается выше самых высоких башен; когда же наступают сумерки, сыны Велиала расхаживают по ним, преисполненные наглости и винных паров. Такими видели их улицы Содома и та ночь в Гаваоне[42 - См. «Кн. Судей», глава 19–20.], когда гостеприимный кров вынужден был выдать принятую им под свою защиту женщину, чтобы избежать еще более гнусного насилия.

Эти мятежные Ангелы были первыми по чину и власти. Слишком долго было бы называть всех остальных, хотя слава некоторых из них гремела далеко; между ними были Ионийские боги, боги народов, происшедших от Иована[43 - Иован – Иафет.]; эти божества признаны, однако, поздним происхождением, чем Небо и Земля, их родители, которыми они хвастают[44 - Небо и Земля (Ураний и Гея), по Гезиоду, греческ. поэту IX-го столет. до Р.Х., были первой парой богов, Кронос и Рея – второй, Юпитер и Юнона – третьей.]. Первородным сыном Неба был Титан, с огромным его потомством; младший брат его, Сатурн, похитил у него право первенства, но сам получил такое же возмездие от могущественного Зевса, своего собственного сына, родившегося у него от Реи. Так основалось на незаконном захвате царство Зевса. Сначала боги эти сделались известными в Крите и на горе Иде[45 - Ида – священная гора на острове Крите, в пещерах которой воспитывался Юпитер.], потом они поднялись на снежные вершины холодного Олимпа и царствовали в средней области воздушного пространства. Для них это был высший предел Неба: алтари их возвышались на дельфийских утесах, в Додоне[46 - В Дельфах был оракул Аполлона, в Додоне – оракул Юпитера.], и потом проникли за пределы Дориды; они распространились даже до самых отдаленных островов, когда один из этих богов бежал со старым Сатурном через Адриатическое море в Гесперийские поля, за пределы Кельтики.

Все эти духи и еще многие другие шли неисчислимыми сонмами; глаза их были потуплены и влажны; но в них вспыхнул мрачный огонь радости, когда они увидели, что господин их не поддается отчаянию и что они не погибли. При виде их лицо Сатаны как будто зарделось краской стыда, но, призвав вскоре свою

обычную гордость, надменными словами, имевшими только вид величия, но в сущности лишенными его, он рассеивает их страх и понемногу оживляет ослабевшее их мужество. При воинственных звуках труб и литавр повелевает он поднять свое могущественное знамя. Азазииль, херувим исполинского роста, требует, как права, которым он гордится, чести развернуть его; распущенное во всю величину и высоко поднятое царское знамя, имевшее древком блестящее копье, засияло на ветру как метеор. Золото и драгоценные камни богато украшают гербы и трофеи серафимов. Звонкие трубы оглашают бездну торжественными звуками. Все адское воинство испускает громкий клик, который потрясает своды Ада и распространяет ужас даже за пределами его, в царстве Хаоса и древней Ночи.

В одно мгновение поднимается в воздухе десять тысяч знамен, развеваясь в мраке бездны цветами востока; стройными рядами вырастает густой лес копий; тесно сжатые шлемы, щиты представляют непроницаемую, плотную стену; вся армия правильными фалангами разворачивается и идет под звуки дорических флейт и свирелей. Эти самые звуки воодушевляли перед боем героев древности возвышенными, благородными чувствами; не слепую ярость внушали они, но хладнокровное, непоколебимое мужество, которое заставляло предпочитать смерть бегству или постыдному отступлению; полные гармонии, звуки эти созданы были для того, чтобы успокаивать расстроенные мысли, изгонять сомнение, страх, печаль из сердец смертных и бессмертных. Так, дышащие силой, с твердой решимостью, безмолвно шествуют падшие Ангелы под нежную музыку свирелей, облегчавшую им тяжелый путь по жгучей почве; но вот они остановились: грозен был этот сверкавший оружием фронт, развернувшийся на ужасающее расстояние; подобно воинам, поседевшим под ратными знаменами, ждут они приказаний своего могучего вождя.

Сатана окидывает опытным глазом длинные ряды вооруженных Духов; он быстро обзревает все батальоны, любуется своими воинами, их лицами и осанкой, прекрасными как у богов; наконец, делает перечень. Сердце его упивается гордостью, он ликует, еще больше ожесточаясь от сознания своей силы; никогда, от сотворения человека, не собиралось еще такого воинства, которое, в сравнении с этим, не показалось бы кучкой пигмеев[47 - Пигмеи – сказочный народ необыкновенно малого роста, живший в средней Африке, около истоков Нила, и будто бы всегда воевавший с журавлями, которых эти люди не превышали величиной. Плиний говорит, что их дома строились из яичных скорлуп.], воюющих с журавлями, если бы даже к самим флегрийским[48 - По мнению некоторых авторов, война великанов, в которой принимал участие Геркулес, происходила на Флегрийских полях, близ Кум, в южной Италии.]

великанам присоединить все геройское племя, сражавшееся в Фивах и Илионе[49 - Греческие Фивы и Троя.], вместе с богами, принимавшими участие в битве обеих сторон, и всех героев сказок и романов о сыне Уфера, в кружке британских и арморийских рыцарей[50 - Сын Уфера, Артур или Артус, мифический король бритов. По словам легенды, Артур жил в Цермоне, в Валлисе, со своей прекрасной супругой Гиневрой, окруженный блестящим двором, где первая роль принадлежала 12 рыцарям, которых сам король выбирал среди самых благородных и храбрых, и которые собирались всегда за круглым столом. Арморейя - Бретань, бывшая также под властью Артура.], всех верных и неверных, обессмертивших себя в битвах при Аспрамонте, Монтальбане, Дамаске, Марокко и Требизонде, или тех, что Бизерт[51 - Аспрамонт (суровая гора), на юго-западе Италии; там происходили битвы с сарацинами. Монтальбан - гора, в 12 милях от Рима, где произошло решительное сражение между горациями и курияциями. Требизонд - Трапезунд, - Бизерт, город в Тунисе, на берегах Средиземного моря.] послал с берегов Африки против Карла Великого, разбитого со всеми его войсками на полях Фонтарабийских. Так далеко было это воинство от сравнения с силами смертных, но, однако, оно повинуетя своему грозному полководцу. А он, гордый властелин, превосходя всех видом, осанкой, возвышается над ними подобно башне.

Образ его не потерял еще всего своего первоначального величия; помрачнел его божественный блеск, но и в падшем, в нем виден был Архангел: так, только что взошедшее солнце, без лучей проглядывает с горизонта сквозь туманный утренний воздух; или во время затмения спрячется за месяц и бросает на половину земли зловещий полусвет, приводя в трепет монархов, которые видят в этом предзнаменование опасных переворотов. Так, омраченный, все еще блистал над всеми гордый Архангел. Лицо его глубоко изборождено молниями, печать скорби легла на его поблеклые ланиты; но под нависшими бровями таится необузданная отвага, упорная гордыня, выжидающая минуты мщения. Глаза его свирепы; однако в них мелькнуло сострадание и угрызение совести, когда он увидел сообщников своего преступления, или, скорее, последователей, осужденных на вечные муки. Те ли это Ангелы, какими он знал их некогда в блаженном состоянии! По его вине миллионы Духов изгнаны с Неба, из-за его возмущения они навеки лишились небесного света. Но и в померкшей славе, как верны остались они своему вождю! Так, когда небесный огонь опалит лесные дубы или горные сосны, величественные стволы с обгорелыми вершинами, обнаженные, твердо стоят на сожженной земле.

Сатана подает знак, - он хочет говорить. Ряды вокруг него удваиваются; сложив крылья, полководцы образуют около него полукруг. Они стоят в глубоком

молчанию; три раза начинал говорить Сатана, и три раза, вопреки его гордыне, слезы, такие слезы, какими плачут Ангелы, вырывались из его глаз. Наконец, среди тяжких вздохов, он произносит:

«О мириады бессмертных Духов! О Силы, которым нет равных, кроме Всемогущего. И борьба эта с Ним не была бесславна, как ни ужасен ее исход, в чем убеждает нас это место и эта ужасная перемена. О проклятие! Но какой высокий ум, из глубины знания прошлого и настоящего провидящий и предрекающий грядущее, мог представить себе, чтобы такие соединенные силы богов, такие силы как эти, когда-нибудь могли узнать поражение? И кто же поверит, что, даже потерпев поражение, все эти могучие легионы, после изгнания которых опустело Небо, не восстанут, не поднимутся, чтобы снова завоевать свою светлую отчизну?

Призываю в свидетели все небесное ополчение, от моей ли нерешительности или страха погибли наши надежды? Но Тот, Кто царит Монархом Небес, до той поры прочно сидел на Своем троне, опиравшемся на древней славе, согласии, привычке; окружая Себя полным блеском царского величия, Он, однако, всегда скрывал от нас Свои силы; это породило в нас смелость к нашей попытке и погубило нас. Теперь мы знаем Его могущество, а вместе с тем и наше собственное; мы не должны вызывать Его на новую войну, но нам нечего страшиться, если бы она была объявлена нам. Самое лучшее для нас теперь, это работать втайне; хитростью, обманом достигнуть того, чего не могли взять силой; пусть узнает через нас, что тот, кто одерживает победу одной силой, только наполовину одолевает своего врага. В беспредельном пространстве могут возникнуть иные миры: и давно уже было предание на Небе, что Бог намерен создать новый мир и населить его избранным племенем, и что племя это будет любимо Им наравне с небесными сынами. Туда попробуем совершить наше первое вторжение, хотя бы только для того, чтобы обозреть тот мир; туда или в другое место! Не может эта адская яма вечно держать в оковах небесных Духов, или пучина эта долго поглощать нас во мраке. Но подобная мысль должна быть зрело обдумана в полном совете. На мир нет надежды: кто же из нас думает о покорности? Итак, война! Война открытая или тайная!» – торжественно произнес Сатана. В знак согласия в воздух летят миллионы пылающих мечей, исторгнутых с бедра могучих херувимов. Ад внезапно осветился на далекое пространство. Надменно изрыгают они хулы против Всевышнего и, яростно стиснув оружие, ударяют им о свои звенящие щиты, оглашая Ад воинственным гулом и посылая к небесному своду вызывающие вопли.

Неподалеку возвышалась гора; чудовищная вершина ее извергала огонь и клубы дыма; остальную ее поверхность покрывала блестящая кора, – несомненный признак того, что в недрах ее скрывалась богатая руда, – следствие работы серы. Туда на быстрых крыльях спешит многочисленный легион с заступами и ломami, чтобы укрепить поле для царского стана окопами и валами. Маммон[52 - Маммон – сиро-халдейское слово, означает богатство, по-гречески Плутос.] предводительствует ими. Маммон, наименее возвышенный из всех падших Духов; даже на небе взоры его и мысли были постоянно обращены вниз; его больше восхищало богатство Неба, где ноги попирали золото, чем священные видения и блаженство созерцания. Он первый своим примером и советами научил людей искать добычи в глубоких недрах земли, и они святотатственными руками стали расхищать из утробы своей матери-земли сокровища, которым бы лучше было навсегда оставаться погребенными.

В одну минуту в боку горы зазияла широкая рана, и маммоново войско стало вырывать золотые ребра. Удивительно ли, что золото родилось в Аду? Есть ли другая почва, более благоприятная для этого блестящего яда? Вы, хвалители бранных вещей, с удивлением говорящие о Вавилоне и сооружениях мемфисских царей, взгляните, как ваши величайшие памятники славы, силы, искусства, бледнеют перед созданием этих отверженных Духов; взгляните, с какой легкостью, в один час, они сооружают то, что люди с трудом могли бы создать веками кропотливой работы бесчисленных рук. У подножия горы вмиг было устроено множество плавильных горнов; по жилам, проведенным из озера, текут струи жидкого огня. Одни бросают туда огромные глыбы металла; другие, с изумительным искусством разделяя их породы, плавят руду, очищая ее от горячей накипи; третьи лепят в размягченной земле различные формы; посредством удивительного приспособления кипящее золото струится вниз, наполняя каждую впадину. Так, в органе, одно дуновение, пробегаая по всем извилинам многочисленных трубок, выходит из них мелодичным звуком. Вскоре, подобно паре, из земли стало вырастать, при звуках сладостных симфоний и тихого, стройного пения, обширное здание. Оно имело вид храма; его окружали пилястры и дорические колонны, увенчанные золотыми архитравами; карнизы, фризы украшены выпуклой резьбой; купол его из резного золота. Ни Вавилон, ни величественный Алькаир[53 - Мемфис.], при всей их пышности, ни Египет, ни Ассирия, соперничавшие друг с другом в роскоши и богатстве, даже не приближались к этому великолепию; ни дворцы их царей, ни храмы в честь их богов Бела и Сераписа, не могли сравниться с ним. Стройная громада, вознесясь во всю свою вышину, остановилась неподвижно: вдруг бронзовые ворота широко распахнулись и над гладким, ровным помостом открылась обширная внутренняя часть здания. Бесчисленные ряды блиставших люстр и пылавших факелов,

питаемых Нефтью и Асфальтом, магической силой держась под сводом, изливают потоки света как бы с тверди небесной. Нетерпеливая толпа врывается туда, восхищаясь; одни хвалят работу, другие – зодчего: он еще на Небе прославился постройкой многих чудесных дворцов для Ангелов, которые восседали в них скипетроносными князьями. До такой власти возвысил их Верховный Царь, поручив им, каждому в его иерархии, управление небесными чинами. Имя его также не было лишено славы и поклонников в древней Греции; в Авзонии люди называли его Мульцибером[54 - Одно из прозвищ Вулкана]. О падении его с неба они сочинили сказку, будто разгневанный Зевс сбросил его прямо через хрустальные зубцы; будто целый летний день летел он оттуда, с утра до полудня, и с полудня до вечерней зари, и с закатом солнца, как падающая звезда, упал с зенита на Лемнос, остров Эгейского моря. Так рассказывали люди и ошибались: Мульцибер задолго до того пал вместе с низверженными мятежниками. Не помогли ему чудесные его постройки в небе, не спасли никакие ухищрения: и сам зодчий, и искусные работники его, сброшенные головой вниз, были посланы отстраивать ад.

Между тем, по повелению Державного вождя, крылатые герольды, с ужасающим церемониалом, с трубными звуками, объявляют всему войску, что торжественный совет должен немедленно собраться в Пандемониуме, величественной столице Сатаны и его сановников. Из каждого отряда, из каждого легиона призываются достойнейшие по чину или выбору; они немедленно идут на зов в сопровождении сотен и тысяч войск. Толпа теснится у всех входов, наводняя обширные портики, но особенно огромную залу (она более походила на закрытое поле, где смелые бойцы, привычные в тяжелом вооружении скакать на рьяных конях, перед троном султана бросали цветку языческого рыцарства презрительные вызовы на смертельный бой, или предлагали на скаку сломить копье). Густо здесь кишат Духи, и на земле и в воздухе, который они со свистом рассекают взмахами своих крыльев. Так, весенней порой, когда солнце вступает в знак Тельца, многочисленное юное поколение пчел высыпает из улья и кружится около него роями: они летают взад и вперед меж цветов, влажных от утренней росы; или, скучась на гладкой доске в преддверии соломенной крепостцы, только что натертой душистым бальзамом, рассуждают и советуются о государственных делах. Так кишели массы воздушных легионов до той минуты, когда был подан сигнал. О чудо! Эти гиганты, превосходившие громадностью всех великанов, какие когда-либо рождались сынами земли, вдруг превращаются в самых крошечных карликов; бесчисленные, они скучиваются в маленьком пространстве, подобно тому племени пигмеев, что жило за горными высями Индии[55 - Здесь пигмеи помещены в Индию, как вообще сказочную страну, куда еще не проникли

европейцы.], или подобно волшебным эльфам, которые в полночный час собираются на окраине леса или на берегу ручья. Запоздалый путник видит их резвые игры, или это только грезится ему, тогда как над его головой царит луна, направляя ниже к земле свое бледное шествие; а они, резвясь и танцуя, веселой музыкой очаровывают его слух, и сердце в нем замирает от радости и страха. Так эти бесплотные Духи из гигантов превращаются в бесконечно малые существа: число их несметно, но они свободно помещаются в середине чертога адского дворца; а в самой его глубине, высшие чины серафимов и херувимов, не изменяя своего вида, в замкнутом кружке, держат тайное совещание. Тысячи этих полубогов восседают на золотых тронах. Собрание полно. Наступает минута молчания, и, после короткого воззвания, начинается великий совет.

Песнь 2-я

Содержание

Совещание открыто. Сатана предлагает отважиться на новую войну с целью захвата Неба; одни стоят за войну, другие против нее. Останавливаются на третьем предложении, еще ранее высказанном Сатаной: исследовать истину пророчества или предания на Небе о другом мире, который должен быть вскорости создан и о другой породе существ, равных или немного уступающих Ангелам. Возникает затруднение: кому доверить такое трудное поручение. Сатана один предпринимает это путешествие: ему рукоплещут, прославляют его; этим заканчивается совет. Духи рассыпаются в разные стороны, и, смотря по склонности каждого, проводят время до возвращения Сатаны. Полет Сатаны к воротам Ада. Он находит их запертыми. Наконец открывает их; виднеется необъятная пучина между Адом и Небом; с трудом Сатана переносится через нее – ему указывает путь Хаос, властитель тех стран. Наконец, вдали виден новый мир, куда стремится Сатана.

Высоко, на пышном царском троне, далеко затмевающим богатство Ормуза[56 - Ормуз – остров на Красном море, богатый жемчугом.] и Индии, или тех стран, где роскошный Восток щедрой рукой осыпает своих варварских царей жемчугом и золотом, надменно восседал Сатана: на такую пагубную высоту вознесся он

своим достоинством. Но из безнадежного отчаяния снова достигнув такого величия, он стремится еще далее; его преследует ненасытная жажда войны с Небом; он забыл печальный опыт, и гордыня свои мечтания провозглашает так:

«Силы, Власти, Божества Небес! Нет пучины, которая бы могла навек заточить в своих глубинах бессмертную силу: мы поражены, уничтожены, но я не считаю Небо потерянным. Мы восстанем мощью нашего небесного естества, более блестящие и более грозные, чем до падения; второй подобной участи нам нечего будет страшиться. Хотя право и непреложные законы Неба поставили меня главой над вами, но потом в этом достоинстве утвердил меня ваш собственный выбор, равно как заслуги мои в советах и в войнах. Потеря наша вознаграждена тем, по крайней мере, что прочнее укрепила за мной трон, дарованный мне с вашего полного согласия и ни для кого не завидный. В Небе с высшим достоинством соединено и высшее блаженство, – это может возбуждать зависть в низших; но здесь, кто позавидует тому, чье высокое достоинство ставит его вашим верным щитом, впереди всех, против руки Громовержца, и налагает на него самую большую долю вечных мук? Где нет благ, которые бы можно было оспаривать, там не может возникнуть ни заговора, ни раздора; никто, наверное, не станет добиваться первенства в Аду; никто не найдет свою долю настоящих мук слишком малою, чтобы в честолюбивых мечтах жаждать еще большей. Итак, здесь союз наш крепче, вера – тверже, согласие – нерушимее, чем это может быть на Небе; с таким-то преимуществом выступим мы вновь, чтоб возвратить наше законное наследие; никогда в счастье мы не могли бы иметь такой уверенности в успехе, как теперь. Но какой путь избрать? Открытую войну или скрытую хитрость? В этом цель нашего совещания: кто хочет дать совет – пусть говорит».

Поднялся Молох, скипетроносный царь. Из всех Духов, воевавших на Небе, это был самый сильный и самый свирепый, теперь еще более свирепый от отчаяния. Он мнил себя равным Предвечному, и предпочел бы не существовать вовсе, чем быть ниже Его; не придавая цены бытию, он был чужд страха, он все презирал; ни Бог, ни Ад, ни худшее, чем Ад, ничто его не страшило. Он произносит такую речь: «Я стою за открытую войну! Не хвалюсь, я не силен в хитрости; пусть строит козни кто хочет, и когда будет надо, не теперь. Они будут сидеть и помышлять заговоры, а все эти миллионы, изгнанники Небес, готовые к бою, должны томиться здесь, в ожидании? Жить в этой крошечной тьме, этом позорном вертепе, тюрьме тирана, Который царствует только благодаря тому, что мы медлим? Нет, ополчимся всей яростью, всеми огнями Ада, чтобы никакая сила не могла преградить нам путь к высоким небесным башням; наши пытки мы обратим в страшное оружие против нашего мучителя. В ответ на Свои

всесильные громы услышит Он раскаты адского грома; вместо Его молний, мы с такой же силой извергнем на Его Ангелов черное пламя и смрад. Самый трон Его будет объят чудным огнем и потоками адской серы, – Им же изобретенные пытки!

Но, быть может, путь кажется вам слишком труден; вас, может быть, устрашает мысль взлететь по этой крутизне на приступ высоких стен врага? Пусть те, кого страшит это, вспомнят, если только сонный напиток озера забвения не совершенно усыпил их

память, что нас, по нашему естеству, само собою влечет вверх, к нашему родному отечеству: опускаться, падать – противно нашему естеству. Когда недавно разъяренный враг висел над последними рядами нашего разбитого войска и, издеваясь, гнал нас через пучину, кто из нас не чувствовал, как тяжело, с каким усилием двигались наши крылья, чтобы опустить нас так низко? Итак, подняться нам легко. Страшиться исхода – напрасно. Если мы раздражим снова сильного врага, мщение Его изобретет еще более ужасное средство для довершения нашей гибели, – но чего же еще можно бояться в Аду? Что может быть ужаснее как жить здесь, лишенным блаженства, осужденным на страшные муки в этой адской бездне, где будет нас вечно палить неугасимый огонь, без надежды на избавление, где мы, рабы Его гнева, в час пытки покорно склоняемся под Его карающим бичом! Если наши муки будут еще увеличены, – мы истлеем совсем, перестанем существовать. Чего же страшиться нам? Что удерживает нас, отчего колеблемся мы распалить гнев врага до крайности? В отчаянном порыве ярости Он или совершенно истребит нас, превратит в ничто наше существо; – но разве мы не были бы счастливее тогда, чем оставаясь бессмертными в вечных муках? Или, если естество наше действительно божественно и бытие его вечно, то, даже в худшем случае, нам нечего бояться, а опыт доказал, что наших сил достаточно, чтобы тревожить Его Небо и постоянными вторжениями устрашать Его неприступный, роковой трон. Если не победа, по крайней мере мщение!» – Он закончил, и брови его сдвинулись; в глазах его горела заклятая месть и вызов на бой, выдержать который могут лишь боги.

С другой стороны поднялся Велиал; вид его более кроток и человечен. В нем Небо лишилось самого прекрасного Ангела. Казалось, он был создан дал величия и благородных подвигов, но все в нем пусто и ложно, хотя из уст его лились речи, сладкие как манна; он мог представить в лучшем свете самое черное дело, и смутить, расстроить мудрейшие советы, – так в нем были низки все мысли.

Изобретательный на зло, он медлил и робел в деле, но речь его пленяет слух. Он начинает так: «Я сам стоял бы за открытую войну, о Высокие Власти, моя ненависть не уступает вашей; но главная причина, какая здесь приводится, чтобы склонить нас к немедленной войне, лишь более отклоняет меня от этой мысли, представляя последствия в самом зловещем свете. Как этот воин, больше нас всех испытанный в битвах, не доверяя своим собственным советам и силе своего оружия, основывает свое мужество на отчаянии, на совершенном уничтожении! В этом полагает он венец страшного мщения! Во-первых, как исполнить это мщение? Небесные крепости охраняются вооруженной стражей: они неприступны. Нередко небесные легионы располагаются станом на самой окраине бездны; оттуда, не страшась опасных встреч, облетают они пространное царство ночи. Но если бы, пробив себе путь силой, мы увлекли за собой весь Ад, чтобы мраком его затмить чистый свет Небес, Великий Враг наш невредимо остался бы на Своем троне; чистое, эфирное естество, которое ничто не может помрачить, скоро победоносно освободило бы Небо от нечистого огня.

После этого поражения последней нашей надеждой останется презренное отчаяние. Мы доведем всемогущего Победителя до того, что Он изольет на нас всю Свою ярость, уничтожит нас. И в этом должно быть наше спасение! Печальное спасение! Кто бы согласился, как бы ни были велики его страдания, лишиться этого разумного сознания, этой способности мысли, обнимающей вечность, для того, чтобы погибнуть, лишиться навсегда движения, чувства и быть поглощенным громадным чревом несозданной ночи? А если бы это было к лучшему, кто знает, может ли и захочет ли этого наш гневный Враг? Что может – сомнительно; что никогда не захочет – верно. Неужели Он, столь премудрый, разом истощит стрелы Своего гнева? Неужели, по бессилию или легкомыслию, Он исполнит желание Своих врагов и в порыве гнева уничтожит жертвы, которых Его же собственное мщение сохраняет для вечной кары?

Защитники войны восклицают: «Что медлим мы!» Мы не медлим, мы обречены на вечные муки и что бы мы не сделали, страдания наши не могут увеличиться, не может быть страданий хуже! Но мы спокойно, в полном вооружении, сидим здесь, рассуждаем, – это ли высшая мера несчастий! Что было, когда, преследуемые гневом Всемогущего, стремглав летели мы в бездну под сокрушительными ударами Его грома? Тогда мы молили бездну защитить нас; тогда Ад казался нам убежищем от жестоких мук; или когда мы стенали в цепях на огненном озере? Тогда, верно, нам было хуже. Что если дыхание, распалившее эти страшные горна, в семь раз сильнее раздует огонь, и мы будем брошены в это пламя? Или если затихшее наверху мщение снова вооружит свою багровую десницу, чтобы возобновить наши мучения? Что, если все хранилища

Его гнева раскроются, если с адского свода польются огненные потоки – страшилища, что висят над нашими головами, постоянно грозя обрушиться? Даже в эту самую минуту, когда мы рассуждаем о славной войне, нас, может быть, вдруг охватит огненная буря, разнесет всех по разным скалам, пригвоздит к ним, и будем мы потехой и жертвой буйных вихрей; или вдруг сбросит нас в окопах на дно того клокочущего океана; там будем мы томиться в вечных стенаниях, не видя ни пощады, ни отдыха, ни сострадания бесконечные века! Хуже будет тогда!

Вот почему я против войны явной или тайной, – все равно! Ни силой, ни хитростью, мы ничего не можем сделать против Него. Кто обманет Его премудрость или Его всевидящее око? И теперь Он с небесных высот видит все наши тщетные стремления и смеется над ними: насколько Он всемогущ, чтобы разбить наши силы, настолько же и премудр, чтобы уничтожить все наши коварные замыслы.

Но неужели мы должны вечно терпеть такое унижение? Мы, дети Неба, будем попраны, изгнаны и осуждены на мучения?! Увы, по-моему, лучше переносить это ужасное состояние, чем навлечь на себя еще худшее. Над нами тяготеет иго неизбежной судьбы, мы должны покориться всемогущему определению, воле Победителя. Что страдать, что действовать, силы наши одинаковы, и справедлив закон, который так устроил. Если бы мы были благоразумнее, то должны были подумать об этом, вступая в сомнительную борьбу с таким сильным Врагом.

Смешон мне тот, кто храбр, предприимчив перед боем, но как только оружие изменит ему, – трепещет перед последствиями; его страшит приговор Победителя, ссылка, бесчестие, цепи, страдания. Такова теперь наша доля: покоримся, перенесем ее терпеливо; может быть, гнев нашего Высокого Победителя смягчится со временем; мы так отдалены от Него, что Он, может быть, забудет нас, если не раздражать Его, и довольствуется теперешним наказанием; ярость этого пламени, не раздуваемого больше Его дыханием, может быть, ослабеет мало-помалу. Тогда наше чистое естество восторжествует над этим зловредным смрадом, или, освоюсь с ним, мы не будем его чувствовать; наконец, самая природа наша так изменится, так приспособится к месту, что мы будем переносить этот палящий жар легко, без страданий! Теперешний ужас пройдет со временем, мрак просветлеет, и, кроме того, кто знает, какие надежды может принести нам непрерывное течение грядущих дней? Какие перемены, какие судьбы? Злополучна теперь наша участь, но ее можно назвать счастливой, – она еще не худшая, и не ухудшится, если мы сами не навлечем на

себя еще больших зол». – Так Велиал, прикрывая речь личиной благоразумия, советовал не мир, а малодушный, праздный покой, постыдное бездействие.

После него заговорил Маммон: «Какая будет цель нашей войны, если мы решим ее вести? Свергнуть с престола Небесного Царя и вернуть наши потерянные права? Свергнуть этого Царя! На это можно надеяться тогда лишь, когда изменчивый Случай станет законом судьбы и Хаос – судьей нашего великого спора! На первое так же тщетно было бы надеяться, как и на второе. Какое же место можем мы занять в небесном пространстве, не победив великого Царя Небес? Положим, Он смягчится, объявит всеобщее помилование, взяв с нас новую клятву в покорности; с каким чувством будем мы, в этом унижении, стоять перед Ним, принимая строгий закон славословить в гимнах его величие, петь в Его хвалу притворные аллилуйя, в то время как Он, наш грозный Царь, Которому мы будем мучительно завидовать, будет восседать на Своем троне, и к алтарю Его станут возноситься благоухания амвросии и ароматы цветов, наших раболепных приношений! И в этом будут заключаться все наши обязанности, вся наша отрада на Небе! Целую вечность поклоняться Тому, Кого ненавидишь! О, как это тяжело! Зачем же стремиться к тому, чего приобрести силой невозможно, и чего мы сами не могли бы принять как милость; зачем добиваться нам пышного рабства, хотя бы это было даже на Небесах!

Постараемся лучше найти счастье в самих себе; в этом обширном пространстве будем жить для себя, независимо, никому не давая отчета, предпочитая тяжелую свободу легкому игу пышного раболепства. Здесь мы увенчаем себя еще большей славой, если ничтожными средствами будем достигать великих целей, вред превращать в пользу, из бедствия создавать счастье. Наконец, перестрадав, перетерпев наши муки, мы достигнем спокойствия и будем даже благоденствовать здесь.

Может ли страшить нас этот глубокий мрак? Разве вокруг Вседержавного трона Царя Небес не собираются иногда темные тучи, но это не омрачает Его славы. Он окружает Себя величием мрака; из черных туч гремят громы, и тогда Небо становится похожим на Ад. Разве мы не можем подражать его свету, как Он подражает нашему мраку? В этой пустынной стране скрыто много сокровищ, много драгоценных камней, золота. У нас хватит искусства превратить их в чудеса великолепия: какой же большой блеск может выказать Небо? Между тем, со временем, муки наши сделаются нашей родной стихией; этот жгучий огонь, нестерпимый теперь, станет нам приятен, наша натура, сроднясь с болью, станет нечувствительна к ней. Итак, все склоняет нас к миру, к прочному

порядку вещей; обдумаем, как всего лучше можем мы успокоиться в настоящем бедствии, сообразно с тем, кто мы и где наше жилище, отказываясь от всякой мысли о войне. Вот мое мнение.»

Едва он закончил, как по всему собранию прошел ропот, как будто из горного ущелья вырвался сдержанный в нем гул ветра, что всю ночь волновал море и только к утру своим хриплым свистом убаюкал измученных усталостью и бессонницей моряков, корабль которых после бури бросил якорь в утесистом заливе. Такой шум раздался от рукоплесканий, когда Маммон закончил свою речь; его советы сохранить мир привели в восторг все собрание, так как второй подобной войны все страшились хуже самого Ада: такой ужас вселил в них небесный гром и пламенный меч Михаила. У всех было теперь одно желание: основать в этой глубине царство, которое бы при мудром управлении, с течением веков, возвысилось до соперничества с Небом.

Вельзевул – Дух, занимавший высшее место после Сатаны, проникнув в их мысли, вдруг встает с важной, величественной осанкой; казалось, будто поднялся столб всего царства: великие думы, заботы об общем благе глубоко запечатлены на строгом челе его; в спокойных чертах его лица отражается мудрость царя; и в упадке он был полон величия. Этот могучий Ангел способен был на своих плечах нести тяжесть могущественнейших монархий. Одним взглядом он повелевает собранию молчание, и когда он заговаривал, все слушали его с тихим, как ночь, вниманием.

«Престолы и Царские власти, сыны Неба, бессмертные боги! Должны ли мы теперь отказаться от этих титулов и переименоваться в Царей Ада? Да, потому что общее желание клонится к тому, чтобы оставаться в этих местах, с целью создать здесь новое, со временем могучее царство. Но разве это не одна мечта! Разве вы не знаете, что Царю Небес вовсе не угодно было бросить нас в эту тюрьму, как в безопасное убежище, куда бы до нас не могла достигнуть Его державная рука, где бы мы жили вне Его власти, вне Его высоких законов, и безнаказанно составляли новые заговоры против Его трона? Нет, мы, как толпа рабов в тяжких оковах, должны вечно томиться под гнетом неизбежного ига. Будьте уверены, в небесных высях и в адских пропастях, Он всегда и везде будет Единым Царем, первым и последним; наше восстание не лишило Его ни малейшей частички Его царства. Власть Его точно так же простирается и над Адом; здесь он будет управлять нами железным скипетром, как на Небе управляет золотым. К чему же служат все наши рассуждения о войне или мире? Однажды мы уже решились на войну, и были разбиты с невозвратной потерей.

Никто не просил мира, а разве существуют мирные договоры между победителем и его пленными? Какого мира ждать нам, покоренным рабам, кроме строгого заточения, оков и произвольно налагаемых наказаний? А мы, какой мир можем мы предложить со своей стороны, кроме единственного в нашей власти – злобы, ненависти, непримиримой вражды, мщения, медленного, но неустанно изыскивающего средства, как бы отнять у Победителя плоды его побед и отравить ту радость, какую доставляют Ему наши страдания? Нет смысла нам предпринимать опасную войну против Неба и осаждать его высокие стены, которым не страшен ни приступ, ни осада, никакие адские мины.

Нельзя ли придумать какое-нибудь более безопасное предприятие? Есть одно место (если пророческое сказание, издревле существовавшее на Небе, не ложно), другой мир, счастливое жилище какого-то нового существа, называемого Человеком. Он во всем сходен с нами, хотя не столь совершенен и могуществен, но возлюблен небесным Властителем выше всех созданий; Сам Он, в собрании богов, объявил на это Свою волю, подтвердив ее клятвой, потрясшей Небеса. Вот к этому новому миру направим все наши мысли, исследуем, какие создания живут там, из какого вещества они созданы, какими одарены качествами, в чем их сила, в чем их слабость; узнаем, как лучше напасть на них, хитростью или насилием. Путь к Небу закрыт для нас; Всевышний Владыка спокойно восседает там, твердо уверенный в Своей силе, но тот мир, может быть, лежит где-нибудь далеко от небесного царства, и охрана его представлена самим его обитателям. Может быть, нам удастся достигнуть там чего-нибудь: или мы опустошим весь тот мир, внезапно напав на него и спалив его адским пламенем, или неограниченно завладеем им, как нашей собственностью, и изгоним слабых его обитателей, точно так же как были изгнаны мы сами, или же не будем их изгонять, а лучше привлечем их на свою сторону; тогда Бог, их Творец, став их врагом, с раскаянием, собственной рукой уничтожит Свое же создание. Это превзойдет обыкновенное мщение; мы смутим радость, какую Ему доставляет наше несчастье, а сами возликуем от Его смущения, когда Он увидит, как нежно любимые Им дети стремглав полетят в бездну, чтобы разделять наши муки, и станут проклинать свое тленное рождение и счастье, так скоро погибшее. Подумайте, что лучше: решиться на эту попытку или сидеть здесь во мраке!»

Эта адская мысль раньше приходила Сатане, и отчасти была высказана им: кто же, кроме него, виновника всех зол, мог придумать такое черное злодеяние – сгубить человеческий род в самом корне, опутать Землю своими сетями, смешать ее в одно с адом, все это в насмешку Всесильному Творцу? Но их ненависть всегда служит лишь возвеличению Его славы. Дерзкий план

Вельзевула привел в восторг всех представителей Ада; глаза их засверкали радостью. Все единодушно подают голос за предложение Вельзевула, и он так продолжает свою речь:

«Бессмертные, вы мудро обсудили, мудро окончили продолжительный совет: ваше великое решение соответствует вашему величию; оно поднимет нас из глубины преисподней и, назло судьбе, снова приблизит к нашему первоначальному жилищу. Может быть, вознесясь к блестящим пределам, при помощи оружия, преследуя свою цель, мы наконец пробьем себе путь в Небо, или, по крайней мере, найдем убежище в какой-нибудь иной сфере, куда будет проникать чудесный свет Небес; там благотворные лучи востока разгонят эту тьму; чистый, прозрачный воздух дыхнет на нас своим ароматом и залечит язвы, причиненные этим разъедающим пламенем.

Но кого же мы пошлем разыскать тот новый мир? Кто способен на это? Кто решится измерить блуждающими стопами неизмеримую бездну, мрачную, бездонную? Кто отыщет неведомый путь сквозь эту осязаемую мглу, чьи крылья столь неутомимы, чтобы удержаться над необъятной пропастью, пока он долетит до счастливого острова? У кого хватит столько сил, столько умения? Какой хитростью пройдет он мимо ангельской стражи, бдительно и зорко охраняющей все пространство до Неба? Тут нужна чрезвычайная осторожность; строг должен быть наш выбор; ведь мы вверяем этому посланцу всю нашу надежду, последнюю надежду!»

Он закончил и сел, пылливо устремив глаза на собрание; он ждал, кто согласится с ним, или будет его оспаривать, но все безмолвны, все погружены в глубокую думу, взвешивая опасность; каждый с изумлением читает на лице другого тот же ужас, какой леденит его самого. Между всем этим цветом небесного воинства, между всеми этими героями, не побоявшимися объявить войну Небу, не находилось никого, кто бы отважился вызваться или согласиться в одиночку предпринять страшное путешествие. Наконец, Сатана, который теперь в своей славе возвышался над всеми своими братьями, с царственной гордостью, полный сознания своего превосходства, спокойно произносит:

«О Небесное племя, не без причины поражены мы недоумением и храним глубокое молчание, мы, неустрашимые. Длиннен и тяжел путь, ведущий от Ада к свету; тюрьма наша крепка; этот громадный огненный свод, угрожающий пожрать нас в своем неистовом пламени, окружает нас девять раз; врата из горящего адаманта крепко заперты над нами и непреодолимо заграждают

всякий выход. Но если кто-нибудь и прошел через них, если только это возможно, его встретит тотчас же глубокая пустота хаотической Ночи; широкая ее пасть поглотит дерзкого, который отважится погрузиться в ее бездну, угрожая ему совершенным уничтожением. Если же он избежит ее и попадет в какой-либо новый мир или неведомую страну, что ожидает его? Неизвестные опасности. А бегство трудно. Но, о благородные мои собратья, я не был бы достоин этого трона, не заслуживал бы своего царского сана, окруженного величием и облеченного властью, если бы препятствия и страх перед опасностью удержали меня от попытки на то, что вы признали необходимым для общего блага. Как я, приняв на себя царское достоинство, власть, откажусь от опасностей, так же неизбежно связанных с моим саном, как и принадлежащие ему почести! Чем выше тот, кто царствует, тем больше выпадает на его долю того и другого. Итак, могучие Власти, гроза Неба, несмотря на ваше падение, вы оставайтесь здесь, пока здесь должно быть наше жилище, и придумайте, чем облегчить настоящее бедствие и сделать Ад более сносным, если есть такое средство, такие чары, чтобы утешить, успокоить, заглушить страдания этой ужасной жизни. Бдительно следите за дремлющим врагом, а я полечу через черную бездну и за пределами хаоса попытаюсь найти избавление всем нам. Я один беру на себя это предприятие, – никто не разделит его со мной!»

С этими словами Монарх поднимается, предупреждая тем всякое возражение. Он боялся, чтобы другие полководцы, воодушевленные его примером, не вызвались теперь (будучи уверены в отказе) на то, чего так страшились минуту назад; между тем, это поставило бы их в ряды его соперников и им бы дешево досталась слава, которую ему предстояло приобрести ценой громадной отваги. Но повелительный голос их царя страшен им не меньше, чем самое предприятие; все разом встают вместе с ним, и шум, какой они производят, подобен отдаленным раскатам грома. Все раболепно преклоняются перед ним, восхваляют его как бога, равного Всевышнему Царю Небес: они выражают в своих хвалах, как высоко они ценят то, что он жертвует собой для общего блага. При всем упадке этих отверженных Духов, все добродетели не заглохли в них: пусть на земле порочные люди не хвалятся прекрасными на вид делами, которые внушают им одно высокомерие или затаенное тщеславие, прикрытое маской благородного рвення.

Так мрачно кончились их нерешительные совещания, и они превозносят своего несравненного властелина. Так, пользуясь сном северного ветра, поднимаются с горных вершин темные тучи и застилают собой улыбающееся небо; угрюмая стихия засыпает потемневшие луга снегом или изливает на них ливни; если же к вечеру солнце ласково улыбнется прощальными лучами, – поля оживают, птички

снова начинают щебетать, блеющие стада наполняют холмы и долины радостными звуками. О, стыд людям! Между демонами царствует нерушимое согласие, один человек живет в вечном раздоре с себе же подобным разумным созданием. Несмотря на то, что его поддерживает надежда на божественное милосердие, несмотря на заповедь Божью, провозглашающую мир, он постоянно возбуждает вражду, ненависть, ссоры; в кровопролитных войнах люди опустошают землю, уничтожают друг друга, будто у них и без того мало адских врагов (что должно бы побуждать нас к согласию), которые день и ночь хлопочут об их гибели.

Стигийский[57 - Стигийский, - принадлежащий подземному миру, от реки Стикса, протекавшей, по греческой мифологии, в подземном царстве; через эту реку Харон перевозил в лодке души умерших.] совет окончился; расходятся великие адские чины. Среди них гордо шествует их могучий властелин; казалось, он один мог быть противником Неба, как был единственным грозным царем ада. В пышном своем великолепии подражая блеску Всевышнего, он окружен сонмом пылающих серафимов, с блестящими знаменами и грозным оружием. Он повелевает трубными звуками возвестить великое решение совета. Немедленно четыре быстрокрылых серафима, обратясь к четырем странам света и приложив к губам звучный металл, трубят великую весть; далеко разносится она по всем ущельям ада; отовсюду раздаются ей в ответ оглушительные восторженные крики.

Затем, успокоившись и ободряя себя надменной, но ложной надеждой, адские духи понемногу расходятся в разные стороны: каждый идет, куда влекут его склонности или печаль, туда, где всего больше надеется найти мир для бескопных дум или рассеять чем-нибудь скуку до возвращения великого повелителя. Один, скользя по долине, другие, рея в воздушной выси, стараются переспорить друг друга в беге или полете, как бывало на Олимпийских играх или в состязаниях на Пифийских полях. Тут - укрощают огненных коней, там - перегоняют на быстрых колесницах, в третьем месте становятся в строй целые полки. Так, в туманных высях бывают видения, служащие надменным народам знаменем кровопролитных войн. Кажется, будто в облаках выступают два враждебные полчища; с каждой стороны, сначала первые ряды воздушных воинов устремляются вперед, склонив копья, потом бесчисленные их легионы смешиваются, уничтожают друг друга, и весь небесный свод, от одного конца до другого, пылает заревом. Другие отрывают скалы, целые горы, и бешеным вихрем несутся по воздуху. Ад едва выдерживает безумную скачку. Так, когда Алкид[58 - Алкид - имя Геркулеса до его обоготворения, от имени его дяди, Алкая. Еврит, повелитель Эхалии, обещал дать в супруги Геркулесу дочь свою

Иолу, но не сдержал слова. Геркулес собрал отряд воинов, чтобы наказать Еврита за нарушение обещания. Эхалия была покорена, царь умерщвлен и Иола уведена пленницей Геркулеса. На обратном пути, у одного из предгорий Эхалии, Геркулес воздвиг алтарь Юпитеру; готовясь к жертвоприношению, он послал герольда Лихаса к своей супруге за праздничной одеждой. От этого посланца, Дейатра, жена Геркулеса, узнала об Иоле, и, боясь, чтобы эта последняя не отняла у нее любовь героя, вспрыснула одежду кровью centaвра Несса, в надежде закрепить этим за собою любовь супруга; но так как кровь centaвра сама была отравлена стрелой Геркулеса, умертвившего его, то одежда отравила и Геркулеса. Боль привела его в бешенство, он хотел сбросить одежду с плеч, но она как бы приросла к телу, и вместе с нею он вырывал куски мяса. В ярости, он схватил Лихаса за обе ноги и бросил его далеко в море, сам же взошел на костер, откуда, при ударах грома, в облаке был унесен на небо.], возвращаясь после победы из Эхалии, вдруг почувствовав действие яда, которым пропитали его одежду, от боли с корнями вырывал фессальские сосны и сбросил Лихаса с вершины Этны в Эвбейское море.

Иные же, более мирные духи, приютились в тихой долине и, под звуки многочисленных арф, пели ангельскими голосами о своих геройских подвигах и злополучном исходе, повергшем их в бездну. В заунывных песнях они жаловались на судьбу, допустившую, чтобы свободные духи были порабощены случаем или силой. Песни их были пристрастны, но так полны чудной гармонии (и может ли быть иначе, когда поют бессмертные духи), что Ад, стихая, с восторгом внимал дивным звукам.

Другие, в еще более сладкой беседе (как музыка пленяет чувства, так красноречие очаровывает душу), сидели в отдалении на склоне холма; они рассуждали о самых возвышенных предметах: о предвидении, всегда безошибочном, о воле – всегда свободной, судьбе – всегда непреложной; высокие думы их ищут разрешения непостижимых задач, теряясь в этом безысходном лабиринте. Потом они размышляют о добре и зле, о высшем блаженстве и конечной скорби, о страстях и бесчувствии, о славе и позоре, о всей этой суетной мудрости и философских заблуждениях. И, словно дивными чарами, заговаривают они на некоторое время свои страдания и тревоги; в сердцах их пробуждаются безумные надежды; или, словно тройным панцирем, вооружают их ожесточенные сердца упорным терпением.

Еще одни, составив большие отряды, отваживаются на смелое предприятие: отыскать, не найдется ли для них в этом ужасном мире более спокойного

убежища. Они направляют свой полет в четыре различные стороны, вдоль берегов четырех адских рек, которые с шумом несут свои пагубные воды в огненное озеро, – вдоль реки смертельной ненависти, страшного Стикса; реки печали – глубокого, черного Ахерона; Коцита, в спокойных водах которого громко раздаются жалобные вопли, буйного Флегонта, с яростно клокочущими огненными волнами. Вдали от этих рек медленно катит, разворачивая свой водяной лабиринт, безмолвная, спокойная Лета[59 - Для описаний ада Мильтон пользуется языческими представлениями тартара, царства Плутона и Прозерпины, в котором помещались дворцы Сна, Сновидений, Ночи, Евменид и Горгон. Они были окружены медной стеной, медные ворота охранялись страшнейшими существами, каких только могла создать необузданная фантазия. Стикс, Ахерон, Коцит и Пирифлегонт протекали через тартар и вокруг него. Тартар был отдален от земли на столько, на сколько земля отдалена от неба. Ночь окружает его тройным поясом, так что туда не может проникнуть ни единого солнечного луча. Флегетон – ужасная адская река, в которой вместо воды протекал огонь, увлекая раскаленные скалы.], река забвения. Кто выпьет ее воды, тот мгновенно забывает все: и свое прежнее состояние, и настоящее бытие, забывает все радости и печали, все наслаждения и страдания.

А далее, по ту сторону Леты, простирается ледяная страна, покрытая мраком, дикая; ее терзают вечные бури и вихри с градом, который, никогда не тая, громоздится в ужасные груды и кажется развалинами древнего здания; все кругом покрыто снегом и льдом; это ледяная бездна, столь же глубокая, как Сербонские болота[60 - Сербонское озеро и болото близ истоков Нила. Дамьета – город, игравший важную роль во время крестовых походов.] между Дамьетой и древней горой Кассием, где гибли некогда целые армии. Здесь холод так же жгуч, как огонь, и резкий воздух пронизывает ледяной дрожью и жжет в одно и то же время.

Туда, в определенное время, фурии с когтями гарпий[61 - У Гомера Гарпии называются богинями бури, быстрыми, но прекрасными; Гезиод также говорит о них, как о богинях быстрокрылых, с прекрасными кудрями; однако уже у Эсхила они представляются безобразными крылатыми чудовищами, в виде хищных птиц с истощенными лицами; боги посылали их дая. наказания преступников.] приносят всех осужденных; несчастные подвергаются жестоким мукам от быстрых переходов из одной ужасной крайности в другую. Со жгучего огненного ложа их бросают на груды льдин; живительная эфирная теплота в них застывает: долго лежат они так неподвижно, в неопикуемых страданиях; когда же они совсем окостенеют от холода, их быстро ввергают опять в огонь. Взад и вперед переправляются они через Лету: это еще удваивает их мучения. Они

изнемогают от тщетных усилий дотянуться до соблазнительной влаги: капля ее в один миг дала бы им сладкое забвение всех страданий. Они припадают к реке, вот они уж так близко к краю... но тут рука Судьбы останавливает их. Медуза[62 - Медуза – одна из трех сестер, называемых Горгонами. Их представляют с головой, покрытой вместо волос шипящими змеями, с железными когтями, огромными зубами и крыльями. Горгоны были сначала одарены необыкновенной красотой, но потом за гордость боги превратили их в чудовищ.], вооруженная всеми ужасами, порождением Горгон, сторожит ту волшебную реку; вода сама бежит от уст всякого живого существа, как некогда она бежала от уст Тантала[63 - Тантал – богатый лидийский и фригийский князь, любимец богов, был низвергнут в тартар, где должен был стоять до подбородка в воде; подле него с дерева свешивались чудные плоды, но он должен был постоянно страдать от голода и жажды, так как только он делал попытку дотронуться до пищи и питья, как то и другое отдалялось от его уст.].

Печальные Духи бродят так наудачу; растерянные, бледные и трепещущие от ужаса, с блуждающими глазами, они впервые постигают свою плачевную участь и не находят покоя. Много мрачных, пустынных долин проходят они, много печальных стран; через многие ледяные горы, чрез многие огненные вершины перешли они; через утесы, обрывы, озера, болота, топи, пропасти и сени смерти, через целый мир смерти, который Бог, в минуту проклятья, создал лишь для зла; мир, где все живое умирает, все мертвое живет, где извращенная природа производит одних чудовищ, громадных, невыразимо отвратительных, безобразных: они сильнее всех чудовищ, выдуманных в сказках, или созданных страхом – эти Горгоны, Гидры, эти ужасные Химеры[64 - Гидра, как большинство чудовищ, считается в мифологии порождением Тифона и Эхидны. Гидра имела змеиное или звериное тело с несколькими головами. Химера – чудовище того же происхождения. Гомер описывает ее так: «спереди – лев, сзади – дракон и козел в середине, дышит пламенем...»].

Между тем, враг Бога и Человека, Сатана, воспламененный гордой мыслью, на быстрых крыльях направляет свой одинокий полет к вратам Ада. Порой он летит вправо, порой устремляется влево. То, спустившись вниз, он задевает крылом бездну, то вдруг взлетает до самого верха огненного свода. Так, издали, кажутся висящими в облаках корабли на море, когда ветер несет их от берегов Бенгалии или островов Терната и Тидора[65 - Тернат и Тидор принадлежат к группе Молуккских островов, производящих пряности.], откуда купцы привозят дорогие ароматы; они идут по водному торговому пути, через широкое Эфиопское море к Капу, и полярная звезда руководит ночью их плавание. Таким казался издали полет крылатого врага.

Но вот, в самой выси страшного свода показались, наконец, пределы Ада. Их охраняют трижды трехзатворные ворота: три затвора – медных, три – железных, три из алмазных скал. Непроницаемы были эти врата; они, не сгорая, ограждены были пламенем. По обе стороны их сидело два грозных призрака. Один, от головы до пояса, казался женщиной очаровательной красоты; но остальное ее тело было отвратительно; оно извивалось в многочисленных чешуйчатых кольцах, широких, громадных, подобно змее с ее смертоносным жалом. На поясе ее держится свора всех адских псов, с широко разинутыми пастьми Цербера[66 - Цербер, сын Тифона и Эхидны, – пёс, стерегущий ад; обыкновенно его представляют с тремя головами, но некоторые поэты придают им еще больше.]; они без умолку громко лают и производят оглушительный крик. Но если что-нибудь прервет их лай или испугает их, они вползают в утробу чудовища, и, невидимые, продолжают там выть и лаять. Не столь ненавистна была терзавшая мореходцев Сцилла[67 - Сцилла – сицилийская нимфа, которая с отчаяния, вследствие несчастной любви, бросилась в воду и была превращена в скалу.], погруженная в море, что разделяет Калабрию от диких берегов Тринакрии[68 - Сицилия.]. Не так безобразна свита ведьмы, когда на таинственный зов, чужая запах младенческой крови, она ночью несется по воздуху на пляски к лапландским ведьмам, от чужих заклинаний гаснет на небе утомленная луна.

Другое существо, если можно назвать так нечто, не имевшее никакого образа, нечто невещественное, без форм, без членов или суставов, походило, скорее, на призрак, черный как Ночь, злобный как десять Фурий[69 - Фурии – дочери Ахерона и Ночи, называвшиеся у греков Евменидами – ужасные, гневные богини мести; их три сестры: Алекто, Мегера и Тизифона. Этих подземных богинь представляли в самых отвратительных образах: с искаженными чертами лица, с глазами, мечущими пламя, когтистыми, вооруженными бичом из змей. То, что Мильтон изображает адское чудовище с подобием короны на голове, объясняется ненавистью поэта к этому предмету.], ужасный как Ад; он потрясал страшным копьем. То, что казалось его головой, было увенчано как бы подобием царской короны.

Сатана уже приближается к нему; чудовище, с такой же быстротой, грозными шагами устремляется вперед; Ад дрожит под его стопой. Но неукротимый Враг с изумлением смотрит на видение, стараясь разгадать его – с изумлением только, не с ужасом; кроме Бога и Сына Божия он не чтит и не страшится ничего созданного. Он с презрением смотрит на чудовище, и, обращаясь к нему с такими словами:

«Откуда ты? Кто ты, проклятый призрак? Как осмеливаешься ты, ужасное, мрачное видение, безобразным своим челом заграждать мне путь к тем вратам? Я пройду через них, и знай, не у тебя стану просить позволения. Удались, или ты поплатишься за свое безумие, и на опыте узнаешь, исчадие Ада, что значит бороться с небесными Духами.»

На это чудовище, пылая злобой, отвечает ему: «Это ты, Ангел – изменник, ты, что первый нарушил на Небе мир и веру, невозмутимо хранившиеся до тех пор? Это твои гордые замыслы увлекли к восстанию треть небесных Ангелов; и за это преступление ты и твои сообщники, отвергнутые Богом, осуждены вечно влачить здесь дни в страданиях и муках? И ты, достояние Ада, причисляешь себя к лику небесных Ангелов! Ты осмеливаешься произносить надменные и дерзкие речи здесь, в моем царстве! Я царь здесь, и пусть от этого вдвое увеличится твоя ярость. Прочь отсюда, спеши назад к месту твоего наказания, вероломный беглец; трепещи, чтобы я скорпионовым бичом не ускорил твоего полета, или одним ударом этого копья не нанес тебе боли, еще неизведанной тобой, которая повергнет тебя в небывалый ужас!» – так говорило грозное чудовище, и при этих речах и угрозах стало еще в десять раз ужаснее и безобразнее.

Сатана стоял перед ним без страха, но он сгорал от гнева. Так пылающая комета, озаряя северное небо, покрывает собой все огромное созвездие Змееносца[70 - Змееносцем называется большое созвездие сев. полушария, которое находится над созвездиями Зодиака, Скорпиона и Стрельца. Оно имеет вид растянувшегося громадного змея, с короной на северной стороне; в нем насчитывается 136 звезд, из которых особенно выделяются 2 звезды второй величины и 12 звезд третьей величины.] и с ужасных волос своих сотрясает на землю заразы и войны. Оба противника метят поразить друг друга в голову одним смертельным ударом; второго не рассчитывает наносить их беспощадная рука. Взгляды их встретились; они были грозны, словно две черные тучи, когда они, обремененные громами, висят над Каспием, неподвижно остановясь одна против другой, пока не подует ветер, вестник их грозной встречи в воздухе; таковы оба могучих противника; от нахмуренных бровей их, казалось, Ад омрачился еще больше. Так стояли они, равные в силе: такие страшные соперники сходятся лишь раз! Готово было свершиться нечто ужасное, от чего содрогнулся бы весь Ад, если бы чудовище, полуженщина, полузмей, сидевшее подле адских врат и хранившее роковой ключ, не бросилось между ними с раздирающим, отвратительным воплем:

«Отец мой! О, зачем поднимаешь ты руку на единственного твоего сына! А ты, о сын, каким безумным гневом одержим ты, чтобы направлять смертоносный меч на голову твоего отца? И кому же послужишь ты этим? Ты знаешь? Тому, Кто восседает наверху и смеется над презренным рабом, покорно исполняющим веления Его гнева, который Он называет правосудием, – гнева рокового для вас: он погубит вас обоих».

Эти слова останавливают чудовище, заразу Ада; тогда Сатана обращает речь к ужасной женщине:

«Твой возглас так странен, так странны твои речи, что, когда ты бросилась между нами, рука моя, не любящая медлить, остановилась; иначе я показал бы тебе на деле, что она может сделать. Но я хочу прежде узнать от тебя, что ты за существо, ты, чудовище двойственного вида, и почему, впервые встретясь со мной в этой адской долине, ты называешь меня отцом, а этот призрак зовешь моим сыном? Я не знаю тебя, и никогда не видел ничего противнее тебя и его».

«Разве ты забыл меня! – отвечает ему привратница Ада. – Неужели я кажусь так отвратительна твоим глазам? А какой прекрасной считалась я когда-то на Небе! В собрании всех серафимов, твоих союзников в смелом заговоре против Царя Небес, тебя внезапно поразила страшная боль; глаза твои омрачились, ты лишился чувств, между тем чело твое горело ярким пламенем; оно широко разверзлось с левой стороны, и, похожая на тебя видом, окруженная блеском, сияющая божественной красотой, я вышла из твоей головы, во всеоружии, как богиня. Все небесное воинство было объято изумлением; сначала все отвернулись от меня с испугом, и называли меня Грехом[71 - Сатана, первый нарушитель мира и верности, справедливо признается отцом греха. «Через грех пришла в мир смерть», – говорит Св. писание. На сопоставлении Сатаны, греха и смерти основывает Мильтон свое описание. Как из головы Зевса вышла Афина, богиня мудрости, так у Мильтона из головы Сатаны рождается грех. Он появляется с левой стороны, как худшей, точно так же, как для сотворения Евы было взято у Адама ребро с левой стороны (см. песнь 10-я).]. Я казалась им зловещим предзнаменованием, но они свыклись со мной, я стала нравиться им; своей чарующей прелестью я привлекла к себе наиболее враждебных, и тебя сильнее всех. Ты чаще всех обращал на меня свои взоры, видя во мне свой собственный, совершенный образ; ты загорелся ко мне любовью; втайне ты делил со мной ее наслаждения, и чрево мое почувствовало возраставшее бремя.

Между тем, на Небе вспыхнула война; эфирные долины превратились в поля битв. Полная победа (и могло ли быть иначе) осталась за нашим Всесильным Врагом; наша сторона потерпела поражение на всем эфирном пространстве. Низвергнуты были наши легионы; стремглав полетели они с небесных высот вниз, в эту пропасть. В общем падении пала и я. Тогда был вручен мне могущественный этот ключ, с приказанием держать адские врата всегда запертыми, чтобы никто не мог пройти через них, если они не будут отперты мною. Одинокая, сидела я на их пороге; но не долго продолжалось это спокойствие; вдруг я почувствовала в своей утробе, оплодотворенной тобою и неимоверно расширившейся теперь, страшные движения и жестокие муки родов; наконец, гнусный плод, сын твой, которого ты видишь здесь, с стремительной силой вырвался из моих внутренностей; от страха и боли исказилась так вся нижняя часть моего тела. А он, рожденный мною враг, вышел из моего чрева, потрясая смертоносным копьем, разрушающим все, до чего оно прикоснется. Я бежала от него, воскликнув: «Смерть!» Ад задрожал от ужасного имени, по всем ущельям его, со вздохом пронесся отголосок: «Смерть!» Я бежала, – чудовище за мной (кажется, его больше воспламеняло сладострастие, чем злоба), все ближе, ближе, наконец, оно настигает меня, свою мать, объятую ужасом, и силой сжимает меня в преступных объятиях! Плодом гнусного насилия были эти лающие чудовища; ты видишь, они с неугомонным криком окружают меня постоянно; я ежечасно зарождаю их; ежечасно произвожу их на свет. Муки мои бесконечны: чудовища эти, когда хотят, с воем вползают назад в мою утробу, грызут мои внутренности, служащие им пищей; потом снова вырываются оттуда, наводя на меня такой ужас, что я никогда не нахожу себе ни отдыха, ни покоя.

Призрак этот, всегда сидящий напротив меня, эта отвратительная Смерть, мой сын и враг, еще больше разжигает этих чудовищ; за неимением другой добычи, он скоро пожрал бы меня, свою мать, если бы не видел, что с концом моей жизни конец и ему. Я буду для него когда-нибудь смертельным ядом. Таково решение Судьбы. Но тебя, отец мой, о, предупреждаю тебя, бойся его смертоносных стрел; не обольщай себя тщетной надеждой, что с этим оружием, хотя оно и небесного закала, ты неуязвим; кроме Того, Кто царит там наверху, никто не может устоять перед сокрушительным ударом!»

Хитрый Враг тотчас же пользуется ее открытием; он смягчается и нежно отвечает ей: «Милая дочь, если ты признаешь меня своим родителем и представляешь мне здесь прекрасного моего сына, драгоценный залог тех наслаждений, какие мы вкушали с тобой на Небе, тех радостей, что наполняли нас тогда блаженством – грустно вспомнить о них теперь, после ужасной

перемены, поразившей нас так нечаянно, неожиданно, – знай, не как враг пришел я к вам, напротив, я пришел освободить из этого печального жилища мрака и страданий вас обоих и всех небесных Духов, которые, борясь за наши законные права, пали вместе с нами с горных высот. Я послан от них, и один принял на себя трудное поручение, жертвуя собою для всех; одинокими стопами иду я через бездонную долину, чтобы в беспредельной пустоте пространства отыскать одно предсказанное место; по верным признакам, оно только что должно быть создано, круглое и обширное. Это место блаженства, преддверие Неба; населено оно существами, вдруг созданными, быть может, для того, чтобы занять наше место на Небе; но их Творец поместил их подалеже от Себя из опасения, чтобы от избытка могущественного населения не поднялись в небесном царстве новые раздоры: правда это или скрывается под этим более глубокая тайна, я узнаю ее; разведав все, я немедленно вернусь назад; тогда я переселю вас, тебя и Смерть, в такое место, где вы будете жить на свободе, где на тихих крыльях вы незримо будете парить вверх и вниз в чистом воздухе, пропитанном ароматами. Там будет вам много пищи; чтобы постоянно насыщать вас, без конца, без меры, все будет там вашей добычей!»

Оба чудовища, казалось, были в восторге. Смерть искривила свое страшное лицо отвратительной улыбкой, услышав, что голод ее будет насыщен, и радуется своему чреву, предназначенному для такой обильной пищи; не менее ликует и злая мать ее, и так обращается к своему родителю:

«Я храню ключ от адской бездны по данному мне праву и по воле Всемогущего Царя Небес. Он заклинал мне вовек не отворять этих алмазных врат. Против всякого насилия здесь стоит наготове Смерть со своим непобедимым копьем; ее не осилит никакая смертная власть. Но разве я обязана покоряться повелениям свыше Того, Кто ненавидит меня, Кто сбросил меня в этот мрак, в этот глубокий Тартар, чтобы исполнять здесь ненавистную должность! Я, рожденная дочерью Неба, должна томиться здесь в нескончаемых муках, в вечном страхе от завываний моих собственных исчадий, пожирающих мои внутренности? Ты мой отец, мой создатель, ты дал мне жизнь: кому же, кроме тебя, должна я повиноваться, за кем следовать, кроме тебя? Ты перенесешь меня в тот новый мир блаженства и света, к сладостной жизни богов; там, сидя по правую твою руку, как подобает твоей дочери и твоей возлюбленной, полная сладострастия, я буду царствовать бесконечно».

Сказав это, она срывает с пояса роковой ключ – злополучное орудие всех наших бедствий. Развернув свой чудовищный хвост, приближается она к адским

вратам, быстро поднимает тяжелый засов, который, кроме нее, не могли бы сдвинуть все Стигийские силы; ключ сжимает в глубине замка сложные пружины, и все болты и запоры из тяжеловесного железа и твердого гранита падают сами собой. Вдруг, со страшным шумом, с пронзительным визгом, распахнулись настежь адские врата и как гром загрохотали на своих петлях; весь Эреб[72 - Эреб - мрачный проход, ведущий в Гадес, жилище Плутона.] сотрясая до основания. Она отворила их, но вновь запереть их было уже не в ее власти: врата стояли широко открытыми. Целое войско, в строевом порядке, с знаменами, с развернутыми флагами, с конницей и обозом, свободно прошло бы через их обширное отверстие; как из горнила, клубятся из их пасти вихри дыма и багровое пламя.

Вдруг глазам Сатаны и двух призраков открылись тайны первобытной бездны: океан мрака, беспредельный, необъятный, где теряется все - пространство, время, размеры; где маститые прадеды Природы, древняя Ночь и Хаос, среди шума бесконечных войн, в вечном безначалии, держатся одним беспорядком.

Четыре простых соперника: холод и жар, влажность и сухость, оспаривают здесь друг у друга первенство, выдвигая в бой атомы, зачатки материи. Легкие и тяжелые, твердые, мягкие, быстрые или медленные, все они строятся под разные знамена враждебных сил; воинственные легионы их бесчисленны, как жгучие пески Баркарейских или Киринейских[73 - Барка, древняя Киренаика или Ливия, - обширная равнина в Варварийских землях, вдоль Средиземного моря, простирающаяся от залива Сидра до Египта.] степей, что, вздымаемые борьбой вихрей, отягчают легкие крылья ветров. На чью сторону пристает больше этих атомов, тот на минуту одерживает верх. Хаос, судья их распрей, своими приговорами увеличивает беспорядок - главную опору его царства; подле него правит другой верховный судья - случай.

На краю этой дикой бездны, колыбели, а, может быть, и могилы природы, где нет ни моря, ни суши, ни воздуха, ни огня, но все это представляет стремительное, беспорядочное брожение будущих плодотворных зачатков, и все они были бы в вечной вражде между собой, если бы Всемогущий Зиждитель не повелевал им создавать из этих темных веществ новых миров, - на краю этой бездны стоял осторожный Враг, у рубежа Ада. Задумчиво созерцая даль, он думал о своем смелом путешествии: не малое пространство предстоит ему пройти. Ужасные, разрушительные звуки поражают его слух: не так страшно бушует Беллона[74 - Беллона - богиня войны, сестра Марса. Храм ее в Риме пользовался большим почетом; в нем собирался сенат, когда назначался триумф

победоносному полководцу или для приема послов от враждебной стороны.] (если можно сравнивать великое с малым), когда своими осадными орудиями разрушает громадный город; не так велик был бы шум, если бы рушился свод небесный, или если бы разнужданные элементы вдруг сорвали землю с ее неподвижной оси. Наконец, Сатана распускает свои широкие крылья, подобные громадным парусам, и, ногой отпихнув от себя почву, поднимается на волнах пара.

Отважно пролетает он большое пространство, как бы несомый на облачном троне; но вдруг эти клубы рассыпаются под ним, и он остается в беспредельной пустоте; тщетно размахивает он громадными крылами; как свинец, падает он на десять тысяч стадий в глубину, и до этого часа все бы летел вниз, если бы, к несчастью, сильным взрывом горючей селитры из проносившейся мимо огненной тучи, не подняло его на столько же кверху. Бешеный вихрь остановился, угаснув в болотистой трясине, – пространство то было ни вода, ни суша. Утопая в вязкой почве, Сатана то старается удержаться на ней ногами, то помогает себе крыльями; он пускает в ход и весла, и парус. Как крылатый гриф[75 - Гриф – сказочное животное, полуорел, полулев; его представляют охранителем золотых руд. Аримаспы, по Геродоту, мифический одноглазый народ, считавшийся искусным в добывании золота.] стремится через пустыню, через горы и болотистые долины, преследуя аримаспов, похитивших золото, вверенное его бдительной страже, так бесстрашно преследует Враг свой путь через топи и стремнины, в стихиях то сгущенных, то редких, пробиваясь вперед руками, ногами, крыльями, головой; он плывет, ныряет, пускается в брод, ползет, летит.

Вдруг, из глубины мрака, поражает его слух дикий, оглушительный шум, гул смутных голосов, звуков. Туда неустрашимо поворачивает он; он хочет видеть Владыку или Духа, царствующего в глубочайшей из бездн, среди этого шума, чтобы спросить кратчайший путь из мрака к пределам света. Вдруг он видит трон Хаоса; широко раскинут его мрачный шатер над беспредельной бездной; с ним рядом сидит на троне соучастница его царства, древнейшая из всего созданного[76 - Из слов: «да будет свет» следует заключить, что ночь была прежде дня, прежде мироздания.], Ночь, в своей темной одежде. Подле них толпятся Оркус, Гадес, Демогоргон[77 - Под именем Оркуса подразумевается Плутон. Гадес, Демогоргон – адские божества; последнему приписывали большое могущество и верили, что употребление его имени влекло страшные последствия.], имя которого всегда было страшно; далее Молва и Случай, Мятаж, Смятенье и Распря, с тысячью разнородных уст.

Сатана смело идет прямо к ним и говорит: «Власти, Духи этих глубочайших бездн, Хаос и ты, древняя Ночь, я прибыл к вам не как лазутчик, с тем чтобы исследовать ваше царство и нарушить его тайны; я невольно забрел в эту мрачную пустыню, так как путь мой к свету лежит через ваше обширное царство. Один, без проводника, я сбился с пути, отыскивая в этом мраке дорогу туда, где границы вашего сумрачного царства соприкасаются с Небом. Есть недалеко отсюда место, недавно отнятое Царем Неба от ваших владений; чтобы достигнуть его, предпринял я странствие чрез такую глубь. Укажите мне путь: награда за эту услугу не будет ничтожна; если мне удастся выгнать победителя из той страны, потерянной вами (в этом заключается цель моего путешествия), я опять возвращу ее к первоначальному мраку, снова водворю в ней знамя древней Ночи. Вам достанутся все плоды моих побед, мне – одно мщение».

Древний Анарх, с изменившимся лицом, нетвердым голосом отвечает ему: «Я знаю тебя, чужестранец; ты могучий вождь Ангелов, воевавший недавно с Царем Небес, и побежденный Им. Я видел и слышал все это; не может такое многочисленное воинство безмолвно лететь через бездну, испуганную его падением; низвергнутые Ангелы неслись стремглав; смятение, ужас, разрушение были неописуемы; Небесные врата разверзлись, и миллионы победоносных легионов бросились преследовать вас. Я восседаю здесь на границах моего царства, у меня едва достает силы сохранить то, что еще осталось в моей власти, и тому угрожает опасность от ваших междоусобных распрей, ослабляющих державу древней Ночи: сначала Ад, ваша темница, занял громадное пространство в глубинах бездны, теперь недавно, Небо и Земля, новый мир, на золотой цепи повис над моим царством с той стороны Неба, откуда совершилось падение твоих легионов. Если туда лежит твой путь, то он недалек, но опасностей на нем много. Иди же, спеши! Опустошение, гибель, смятение – мое достояние».

Он умолк. Сатана не останавливается для ответа, но, радуясь, что уже виден берег его странствия, с новыми силами поднимается вверх и, подобно огненной пирамиде, несется через беспредельную пустоту, среди враждующих стихий, которые окружают его со всех сторон. Быстро мчится он вперед. Не столько опасностей видел Арго[78 - Арго – корабль, на котором греческие герои отправились в Колхиду для завоевания золотого руна.], когда проходил Босфор между нависшими скалами; не так губельна была участь Улисса, когда он со страшными опасностями пробирался между Харибдой[79 - Харибда – нимфа, жившая недалеко от Сциллы, на утесе, под нависшим фиговым деревом, и угрожавшая смертью всем проезжавшим мимо; чтобы утолить свой голод, она пожирала целые корабли со всем, что на них находилось. По три раза в день она

вбирала в себя морскую воду и столько же раз выбрасывала. Вбирая воду, воронкообразная пучина втягивала в себя все, что было вблизи, извергая её – откидывала корабли назад к Сцилле. Об этих двух водоворотах латинская пословица говорит: «*Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim*». Одиссея, XII.] и другой пучиной: с таким трудом и среди таких опасностей летит Сатана. Но как только перешел он через них, как только пал человек, о, какая произошла перемена! Грех и Смерть, следуя по следам врага (на то была воля Неба), вымостили широкую дорогу над мрачной бездной; клокочущая пучина с покорностью держит этот мост баснословной длины, проведенный от пределов Ада к орбите брэнного земного мира. По этому пути злые Духи беспрепятственно проходят взад и вперед, чтобы соблазнять или наказывать смертных, и только те спасены от них, кого хранит особая милость Господа Бога и святых ангелов.

Но вот он, наконец, священный проблеск света! От стен небесных, далеко в недра печальной Ночи проникает мерцание зари. Здесь начинаются пределы Природы; Хаос удаляется, как побежденный враг, из своих последних укреплений; он уже не шумит так, враждебный гул его стих. Сатана летит не с таким трудом, и наконец, при слабом мерцании света, совсем легко скользит по успокоенным волнам. Так корабль, разбитый бурей, лишенный всех снастей, радостно вступает в гавань. В легком, почти воздушном пространстве, Сатана парит на широко распушенных крыльях; он уже видит вдали эмпирейное Небо, раскинувшееся так широко и далеко, что глаз его не может определить – какой оно формы, квадратное или круглое. Он видит опаловые башни своей былой отчизны и зубцы ее стен из чудных сапфиров. Вскоре он открывает и новый мир, повешенный на золотой цепи; он кажется ему звездой самой малой величины, рядом с луной. Туда, исполненный злобного мщения, устремляется Дух проклятья в час, заклеянный проклятьем.

Песнь 3-я

Содержание

Господь, восседая на Своем троне, видит, как Сатана летит к новосозданному миру; Он показывает его Сыну, восседающему одесную Его; предсказывает успех Сатане в совращении человеческого рода; Господь оправдывает Свое правосудие и мудрость от всякого нареkania тем, что создал Человека

свободным и, следовательно, способным противостоять искустителю. Однако Он объявляет свое намерение помиловать Человека, потому что он пал не от собственной испорченности, как Сатана, но будучи соблазнен своим врагом. Сын Божий воздаст хвалу Отцу за изъявление Его милости к Человеку; но Господь объявляет, что милость Его не может быть дарована без того, чтобы не было удовлетворено небесное правосудие; покушаясь на Божество, Человек оскорбил величие Божие; за то он, со всем его потомством, обречен на смерть, и должен умереть, если не найдется кого-либо достойного ответить за его вину и принять на себя его наказание. Сын Божий добровольно предлагает Себя искупительной жертвой за Человека; Отец принимает эту жертву Сына и превозносит Его славу превыше всех имен на Небе и на Земле. Он повелевает всем Ангелам славословить Его; они повинуются и дивными хорами воспевают гимны и прославляют на арфах Отца и Сына. Между тем, Сатана опускается к крайней планете нашего мира; блуждая по ней, он прежде всего находит место, названное впоследствии Предверием Тщеславия. Оттуда враг достигает врат Небес; описание лестницы, ведущей к ним, и вод, протекающих вокруг Небес. Далее Сатана летит к шару Солнца; здесь он встречает Уриила, правителя этой планеты, но прежде чем заговорить с ним, Сатана принимает на себя вид Ангела нижнего чина; притворяясь, будто он горячо желает увидеть новый мир и Человека, которого поместил в нем Господь, он выведывает где находится жилище Человека. Уриил указывает ему дорогу: Сатана летит и опускается на вершину Нифата.

Привет тебе, священный Свет! Первородный сын Неба, луч, принадлежащий Вечному и сам вечный! Дерзну ли назвать тебя так, не заслуживая порицанья? Ведь Бог есть Свет, от века обитающий в неприступном свете, – значит Он обитает в тебе, лучезарное излияние несотворенного светозарного естества! Или лучше назвать тебя чистым током эфира? Но кто может поведать, где твой источник? Ты был прежде Солнца, прежде Неба, и, повинувшись гласу Божию, как ризой облек мир, рождавшийся из глубины мрачных вод и безобразного хаоса бесконечной пустоты.

Долго был я заключен в области мрака, и теперь, избегнув Стигийской пучины, я вновь мчусь к тебе. Когда в полете моем я проносился сквозь непроглядную тьму или тот полусумрак, я воспевал Хаос и вечную Ночь иными звуками, чем те, что извлекала лира Орфея[80 - Орфей – сын музыки Каллиопы и Аполлона, знаменитый фракийский певец. Искусным пением Орфей приобрел себе бессмертную славу; своими дивными песнями он заставлял двигаться камни и

деревья, укрощал диких зверей. Когда умерла его жена Евридика, он решил спуститься в подземный мир, попросить Плутона возвратить ему нежно любимую супругу. Волшебные звуки его пения так тронули повелителя царства теней, что тот согласился на его просьбу. Как Орфей, так и Мильтон, в первых двух песнях, как бы спускался в бездну ада и царства Хаоса.]. Небесная Муза наставляла меня, и я отважно спускался в глубь мрачной бездны и снова возносился вверх. Но велик, беспримерно тяжел был мой труд! Теперь я спасен, я снова ощущаю, Свет, твою живительную силу! Но ты не вернешься к моим очам; тщетно вращаются они, чтобы встретить один из твоих всепроникающих лучей – даже слабое мерцание зари не доходит до них: или темная вода навек погасила их орбиты, или густая ткань застлала их темным покровом. Но все же, воспламененный любовью к священным песнопениям, я не перестаю витать в местах, обитаемых Музами. Светлые ручьи, тенистые рощи, озаренные солнцем холмы, и главное ты, о Сион, и веселые ручьи, с тихим журчанием льющиеся к святому подножию, к вам уношусь я в тихие часы ночи. Там иногда вспоминаю я тех двух мужей, которые разделяли мою участь: слепец Тамирис, слепец Меонид, и вы, Тирезиас и Финей[81 - Тамирис был фракийский поэт, о котором упоминает Гомер; Меонид – имя, даваемое самому Гомеру по его отцу, Меоне. Тирезиас и Финей – два знаменитых в древности певца, славившихся своими пророчествами в стихах. Первый из них фиванец, второй – аркадийский царь.], древние пророки. О, если бы и в славе я мог сравняться с ними! Дух мой питается мыслями, невольно рождающими гармонические звуки. Так бессонная птица поет в сумраке ночи, и, скрываясь в густой тени, разливается звонкой трелью.

С каждым годом возвращаются весна и лето, осень и зима, ко мне же день никогда не вернется. Никогда не увижу я больше ни сияния утра, ни вечерней зари, ни весенних цветов, ни летних роз, ни пасущихся стад, ни божественного лица человека! Как темная туча, окружает меня вечный мрак. Я отрезан от веселого общения с людьми; в книге чудного знания творений Природы лежат предо мною одни пустые страницы, они стерты, уничтожены для меня, и одна из дверей Мудрости закрыта навсегда.

Блистай же тем ярче внутри меня, о божественный Свет! Проникни во все способности моего духа! Дай зрение душе моей; изгони, рассей до малейшего облака весь туман перед моим духовным взором, чтоб я мог узреть и поведать вещи, невидимые смертному взору.

С горних высот чистого эфира Всемогущий Отец, восседающий на троне славы превыше всех высот, низводит Свое око вниз, чтобы обозреть дела Своих собственных рук и дела Своих созданий. Все святые силы Неба окружают Его, бесчисленные как звезды; лицезрение Его наполняет их невыразимым блаженством. Справа от Него сидит Его Единородный Сын, лучезарный образ Его славы. Прежде всего обращает Он Свой взор на землю и видит наших прародителей, первую и единственную чету, заключавшую в себе весь человеческий род. Она наслаждалась в блаженном саду бессмертными плодами радости и любви, нескончаемой радости, беспредельной любви в счастливом одиночестве.

Потом обозревает Он Ад и пучину между Адом и землею, и видит Сатану. В темном воздухе величественно парил он от пределов Ночи вдоль небесной стены. Он уже готов был опустить утомленные крылья и ступить нетерпеливой ногой на обнаженную поверхность вновь сотворенного мира, который кажется ему твердой землей без небесной тверди; но чем она окружена – океаном или воздухом – он не может определить. Господь, увидев его с Своей выси, откуда всевидящее око Его обнимает все – минувшее, настоящее, будущее, – так пророчески говорит Своему единственному Сыну: «Единородный Сын Мой, Ты видишь, какой злобой кипит наш противник? Ни Ад с его преградами, назначенный ему жилищем, ни тяжесть оков, ни беспредельная бездна, ничто не могло остановить его – так дышит он безнадежным мщением, которое падет на его же собственную мятежную голову. Расторгнув все преграды, он летит теперь в области света, задевая своим крылом Небо, прямо к новосозданному миру; он ищет человека, помещенного там Моей рукою, и обдумывает, нельзя ли погубить его силой, или, что еще опаснее, совратить его коварным обманом. Человек послушается его льстивой лжи и легко преступит Мой единственный завет, единственный залог его послушания. Так падет он, и в нем – все его неверное потомство. Кого, неблагодарный, может винить в этом, кроме себя самого? Он получил от Меня все, что только мог иметь. Я создал его первым и непорочным; он силен, чтобы сопротивляться злу, но и пасть в его воле. Так созданы Мною все небесные Силы, все духи, как те, что устояли, так и те, что пали. Устоявшие – устояли по своей воле, падшие – пали также по своей воле. Без свободы, чем могли бы они неоспоримо доказать Мне свою верность, любовь, твердую веру в Меня? Если бы они исполняли свой долг не по собственной воле, а только повинясь необходимости, в чем была бы их заслуга? Может ли Мне быть приятно такое послушание, когда воля и разум (разум также руководит выбором), оба напрасные и бесполезные, лишены свободы, оба бездействующие, рабски покоряются необходимости, а не Мне? Итак, они были созданы справедливо и не могут обвинять ни своего Творца, ни свою природу, ни

судьбу свою в том, чтобы волей их управляло предопределение[82 - По учению Кальвина и некоторых других богословов, между прочим и св. Августина, предопределение относительно блаженства избранных и осуждения всех остальных, есть избрание по милости; по этому учению, одной части человечества было бы от вечности предназначено блаженство, другой – вечные муки. Мильтон, как ясно видно, противник такого взгляда.], начертанное непреложными законами высшего предвидения; не Мои законы повелевали им восстание, оно было их собственным делом. Я предвидел это, но это предвидение не имело влияния на их преступление; и, не будучи предвидено, оно, тем не менее, было бы совершено. Итак, без малейшего принуждения, без тени вмешательства судьбы, без Моего неуклонного предназначения, они предадутся злу, – сами виновники, как своих суждений, так и своего выбора. Я создал их свободными, и они должны оставаться свободными, пока сами не наденут на себя ярмо, или Я должен изменить их природу и вечный, непреложный закон, даровавший им свободу. Они сами избрали свое падение. Первые виновники пали, развращенные и обманутые сами собой; Человек же падет, прельщенный ими: поэтому Человек будет помилован; тем же нет прощения. Мое правосудие и милосердие превознесут славу Мою на Небесах и на Земле, но милосердие Мое от начала до конца воссияет еще ярче».

Когда Господь изрекал Свои слова, все Небо наполнилось благоуханием амвросии, и в сердцах избранных, блаженных Духов разлилась новая, несказанная радость, но Сына Божия озаряла несравненная слава: в Нем отразился весь образ Отца; лик Его сиял божественным состраданием, бесконечной любовью, беспредельным милосердием; чувства эти Он излил так Своему Отцу:

«Отец Мой! Полно благости последнее слово Твоего верховного приговора: Человек будет помилован! Все Небо и вся Земля высоко превознесут хвалу Тебе; у подножия Твоего трона, бесчисленные уста в гимнах и священных песнопениях вечно будут благословлять Твое имя. Но, о Отец Мой! Неужели Человек обречен на гибель, Человек – позднейшее Твое создание, любимейший и младший из Твоих сынов, неужели должен погибнуть он, соvrащенный обманом, хотя бы и собственное его безумие было тому виною? О, пусть удалится от Тебя эта мысль, дальше отгони ее от Себя, Отец Мой и непогрешимый Судья всего сотворенного! Возможно ли, чтобы противник достиг своей цели, восторжествовав над Тобою, чтобы он исполнил всю свою злобу, обратив в ничто Твою благость? Захочешь ли Ты, чтобы он исполнил свое мщение, хотя за это ждет его еще более тяжкое наказание, и гордо вернулся в Ад, увлекая туда за собою весь развращенный им род человеческий? Неужели ради него Ты Сам уничтожишь Свое создание и

откажешься от того, что было создано Тобою для Твоей славы? Тогда величие Твое и благодать беззащитно подверглись бы сомнению и богохульству».

Всемогущий Творец отвечает Ему: «Сын Мой! Высшая отрада Моей души! О Сын Моих недр, Сын, Мое единственное Слово, Моя премудрость и творческая сила, Ты проник в Мою мысль и все, что решено в моих вечных предначертаниях: Человек не погибнет совсем; кто захочет – спасется: не собственной силой, но единственно моим милосердием. Еще раз восстановлю Я его упавшие силы, которые грех уничтожит в нем, сделав их орудием его порочных, непомерных страстей. Я поддержу его, чтобы он мог бороться с своим смертельным врагом равным оружием; пусть он видит, что Мне Одному обязан он своим спасением, Мне и никому иному. Некоторые из них, Мои избранные, будут удостоены особенной Моей милости: такова Моя воля.

Другие часто будут слышать Мой голос; он будет часто напоминать им их прегрешения, убеждая их умиловать разгневанного на них Бога, пока еще их призывает Его милосердие. Таким образом Я буду просветлять омраченные их чувства; Я смягчу их каменные сердца для молитвы, для раскаяния, для покорности своему Богу, покорности не насильственной, но искренней. Тогда к молитвам их, к раскаянию, никогда ни ухо Мое не будет глухо, ни око закрыто. Я вселю в них судью, посредника между Мной и ими, Совесть. Тот, кто будет слушаться ее, от света переходя к высшему свету, и настойчиво стремясь к цели, достигнет спасения. Тот же, кто насмеется над Моим долготерпением и благодатью, не узнает пощады. Черствое сердце еще более очерствеет, ослепленные взоры ослепятся еще более, чтобы грешники сбивались с пути и глубже падали. Только этих изгоняю Я из Своего милосердия. Но это еще не все: ослушанием своим Человек бесчестно нарушит обет верности; оскорбит Верховную Власть Неба, посягнув на Божество, он потеряет все. Чем же он искупит свое преступление? Обреченный на разрушение, он должен умереть, он и все его потомство. Или нет правосудия, или он должен быть осужден на смерть, если не найдется тот, кто был бы достоин и добровольно захотел принести себя в жертву суровому правосудию, требующему смерти за смерть. Скажите, небесные Силы, где найти такую любовь? Кто из вас решится сам сделаться смертным, чтобы искупить смертельный грех Человека? Какой праведный спасет неправедного? Во всем Небе существует ли такая высокая любовь?» – вопрошал Творец.

Но безмолвен небесный хор, и тишина была на Небе. Никто не дерзал выступить защитником или ходатаем за Человека, принять на свою голову смертельную

кару, чтобы искупить человеческий грех. Так, без искупления, весь род человеческий должен был погибнуть, осужденный строгим приговором на Смерть и Ад. Но Сын Божий, неисчерпаемый источник божественной любви, опять начал Свое драгоценное ходатайство: «Отец! Твое слово непреложно: Человек будет помилован. И разве милосердие не найдет средств для этого? Оно – самый быстрый из Твоих крылатых вестников, оно находит дорогу ко всем Твоим детям и является им неожиданно, предупреждая их прошения и мольбы. Неужели Ты не ниспослешь его человеку? И разве он может сам снискать Твою помощь, когда умрет в грехах и погибнет! Чем же искупит он свои грехи, когда он не может возносить к Тебе ни молитв, ни подобающих жертв? Отец, обрати на Меня твои взоры, прими Меня в жертву за него; Я приношу Тебе жизнь за жизнь! Пусть на Меня падет Твой гнев; считай Меня Человеком: ради него оставлю Я Твое лоно, добровольно лишусь этой славы, разделяемой с Тобой, и, наконец, с радостью умру. На Мне пусть истощит смерть всю свою ярость. Не долго Я пробуду пленником ее мрачного царства: Ты, Отец Мой, вложил в Меня вечную жизнь, Я живу в Тебе! Отдавая Себя во власть смерти, Я отдаю ей только то, что смертно; когда же великий долг будет оплачен, Ты не оставишь Меня на жертву могильного ужаса, не потерпишь, чтобы чистая душа Моя подверглась разрушению. Нет, Я победоносно восстану, покорю Своего победителя, отниму у него добычу, которой он так гордится. Смерть будет уязвлена смертельной раной, и, опозоренная, будет пресмыкаться в прахе, лишаясь своего смертоносного жала. Через всю беспредельность пространства, с громким триумфом повлеку Я за Собою пленный Ад и покажу Тебе владык мрака в оковах. Ты возрадуешься при этом зрелище и с улыбкою взглянешь с Небес на Своего Сына. Я же, воскрешенный Тобою, уничтожу всех Моих врагов. Смерть Я поражу после всех, и пусть скелет ее утолит голод могилы. Тогда, окруженный сонмами искупленных Мною, после долгого отсутствия Я опять вернусь на Небо, опять, о Отец Мой, буду созерцать Твой лик, который будет сиять тихой радостью примирения. Вражды не будет более, и вблизи Тебя будет разливаться одна радость».

Сын Божий умолк, но кроткий взор Его, само молчание Его еще говорили: все в Нем дышало бессмертной любовью к смертному человеку, любовью, уступавшей только одному чувству – сыновней покорности. Добровольно и радостно принося Себя в жертву, Он ждет воли Своего Вечного Отца. Все небесные Духи, пораженные восторгом, недоумевают, что означает божественная речь, не постигая ее цели. Но скоро Всемогущий отвечает Своему Сыну:

«О Ты, на Небе и на Земле единственный, обретший спасение человеческому роду! О Ты, Моя единственная радость! Ты знаешь, как драгоценны для Меня все

Мои творения; Человек, хотя и сотворенный последним, не последний в Моей любви: ради него Я отрываю Тебя от Своего лона и от правой руки Своей; Я лишусь Тебя на некоторое время, чтобы спасти весь погивший род. Один Ты можешь искупить его. Итак, к Твоему божественному естеству присоедини его человеческую природу; будь на Земле Человеком среди людей. Когда наступит время, Ты облечешься плотью, дивно родясь от Девы; будь новым Адамом, сделайся Главою всего человеческого рода. Как от него погибли люди, так от Тебя, как от нового корня, возродятся те, кому положено спастись; без Тебя нет спасения никому. Грех Адама пал на все его потомство; Твоей заслугой очистится лишь тот, кто откажется от своих собственных деяний, как правых, так и неправых, и будет жить в Тебе, в Тебе черпая новую жизнь. И Человек, как повелевает высшее правосудие, ответит за долг человека, будет судим и предан смерти; потом восстанет из мертвых и воскресит с Собою всех Своих братьев, искупленных Его жизнью. Так небесная любовь победит злобу Ада, предав Себя смерти, и такой дорогой ценою искупит то, что адская злоба так легко сгубила и вечно будет губить в тех, которые не принимают милости, когда она им дается.

Снизойдя до принятия человеческой плоти, о Сын Мой, Ты не унизишь и не изменишь Своего божественного естества: Ты, равный Богу, восседающий вместе с Ним на троне в сиянии славы, одинаково с Ним вкушающий блаженство Божества, Ты все оставляешь, чтобы спасти мир от конечной гибели. Твоя заслуга, более чем Твое рождение, дает Тебе право называться Сыном Божиим; божественной добротой захотел Ты заслужить это имя, более чем могуществом и властью. В Тебе обилие любви превышает обилие Твоей славы, и великим смирением Своим Ты вознесешь с Собою и человеческий Свой образ к этому трону. Здесь будешь восседать Ты во плоти, здесь будешь царствовать, как Бог и как Человек, Ты, Сын Бога и Сын Человека, Помазанный Царь вселенной. Царствуй же вечно, возвеличься Твоей заслугой! Даю Тебе всю власть; Тебе, как Верховной Главе, подчиняю Я все Силы, Троны, Княжества, Власти. На Небесах, на Земле, или в Аду, под землю, всякое колено да преклонится пред Тобою. Когда же Ты сойдешь с Небес и, окруженный славой, появишься на облаках, по знаку Твоему Архангелы призовут народы к Твоему страшному суду; тогда живые со всех концов мира и мертвые всех минувших веков, пробужденные от своего сна, громом трубных звуков поспешат на всеобщее судилище. Среди всех Твоих святых Ты будешь судить грешных людей и Ангелов; виновные будут низвержены Твоим приговором в бездну; Ад, наполнив свое число, с тех пор запрется навеки.

Мир между тем будет разрушен огнем, и из пепла его возникнут новое Небо и Земля: там будут жить праведники; после долгих скорбей увидят они, наконец,

золотые века и будут наслаждаться радостями любви и святой правды. Тогда Ты положишь Свой царственный скипетр, он будет уже не нужен: Бог будет Все во Всем. Небесные Престолы, славьте Того, Который умирает, чтобы исполнилось все это. Поклоняйтесь Сыну и чтите Его, как Меня!»

Едва закончил Всевышний, как среди Ангелов раздались восклицания радости, громкие, как песнь бесчисленного хора, мелодичные, как звук небесных голосов. Небеса наполнились восторгом, и громкое «Осанна!» торжественно разнеслось по всему небесному пространству. В благоговейном восторге все небесные силы смиренно преклоняются перед престолом Всевышнего Отца и Сына, повергая к его подножию свои венцы, обвитые золотом и амарантом, бессмертным амарантом – цветком, который впервые расцвел в Эдеме подле дерева жизни, но после греха человека был снова возвращен на Небо, свою отчизну, где он цвел прежде, там и теперь цветет, осеняя ключ жизни и реку блаженства, протекающую среди Небес, где по цветущим Елисейским[83 - Елисейские поля – жилище святых, где всегда светит солнце. Гезиод говорит об островах святых, где живут герои, наслаждаясь счастьем, и земля три раза в год приносит плоды.] полям она катит свои янтарные воды.

Гирляндами этих неувядаемых цветов избранные Духи украшают свои блистательные кудри. Теперь эти гирлянды сброшены и густым цветочным покровом устилают небесное подножие, сияющее подобно морю драгоценных яшм и улыбающееся под пурпуром небесных роз. Потом Ангелы опять возлагают венцы на свои головы и берут золотые арфы; эти блестящие арфы, дивно настроенные, висят у Ангелов сбоку, как колчаны. Нежные звуки чарующей симфонии, предвестники священных песнопений, возбуждают высокий восторг. Ни один голос не молчит: все участвуют в дивном хоре – такая гармония царит на Небе.

Тебя, Отец, воспели они прежде, Тебя, Всесильный, Неизменный, Бесконечный, Бессмертный, Вечный Царь! Тебя, Творец всей твари, Источник Света, невидимый Сам, когда в потоках лучезарного сияния восседаешь Ты на Твоем неприступном троне; но даже когда Ты ослабишь блеск Твоих лучей, а из-за облаков, облакающих Твой трон подобно лучезарному ковчегу, покажется край Твоей одежды, темный от чрезмерного блеска – Небо ослепляется; самые блестящие серафимы не приближаются к Тебе иначе, как обоими крылами закрыв свои очи.

Тебя воспели они потом, бывший до начала веков, Зачатый Сын, Божественное Подobie, в Чьем светлом образе сияет Всемогущий Отец. На Тебе запечатлено величие Его славы, в Тебе обитает пресвятой Его Дух. Твоею рукою сотворил Он Небеса Небес и все небесные силы; Твоею рукою низвергнул Он гордых мятежников в тот день, когда Ты, ополченный громами Твоего Отца, потрясая вечные основания Небес, летел в пылающей колеснице и беспощадно гнал расстроенные ряды мятежных ангелов. Когда же Ты со славой возвратился назад, все Силы небесные громкими кликами прославили Тебя, Единородного Сына Божия. Ты, строгий мститель Его врагов, не так поступил с Человеком, ставшим жертвой их коварства. Ты, Отец милосердия и благодати, не осудил грешника так строго, Ты сострадал о нем. Как только, Господи, возлюбленный и единственный Сын Твой увидел в божественном взоре, что Ты намерен смягчить Твой суд над слабым человеком, Он, чтобы умиловить твой гнев и положить конец борьбе между милосердием и правосудием, борьбе, которая еще нерешительно отражалась на Твоем челе, – Он отказывается от блаженства Небес, где Он сидит по правую Твою руку, и добровольно предает Себя смерти, чтобы искупить вину человека. О беспримерная любовь! Любовь, доступная лишь Божеству! Хвала Тебе, Сын Божий, Спаситель людей! Имя Твое да будет отныне обильным источником моих песен! Никогда арфа моя не забудет хвалить Тебя нераздельно с Твоим Отцом!

Так в надзвездной обители Неба протекали счастливые часы в радости и торжественных песнопениях. Между тем, Сатана опускается на твердый и темный шар нашей круглой земли, отделявшей другие блестящие шары меньшей величины от Хаоса и вторжений древнего Мрака. То, что издали казалось ему шаром, теперь растянулось впереди необъятным пространством, сумрачным, пустым, диким, с нахмуренной над ним беззвездной Ночью и без умолку бушующими бурями неистового Хаоса. Сурово было там небо; только с одной стороны, обращенной в вышину, хотя и в неизмеримой дали, озарялись те места слабым отблеском, падающим от небесной стены; там буря ревела не так неистово. По этому пространному полю свободно разгуливает Враг. Так коршун, свивший гнездо на вершине Имауса[84 - Снежные вершины Гималайских гор.], снежный хребет которого служит преградой кочующему татарину, летит прочь от мест, бедных добычей, чтобы в волю насытиться мясом ягнят и козлят, пасущихся на лугах, устремляется к истокам Ганга и Гидаспа, индийских рек. Но по пути он опускается на бесплодные Сериканские равнины, где китаец, гонимый парусами и ветром, несетя в своей легкой камышевой тележке[85 - По рассказам древних, многие кочевые народы ездили по степи в кибитках, к которым были прикреплены паруса. Серика – местность, занимаемой ныне частью Малой Бухары и северо-западным Китаем.]. Так по этому бурному

земляному морю одиноко блуждал Враг, отыскивая добычу, – не бывало здесь еще ни единого создания, ни одаренного, ни неодаренного жизнью, ни единого еще.

Но впоследствии, когда грех наполнил тщеславием человеческие дела, словно воздушные шары, поднялись сюда с земли все предметы человеческой суетности и пустоты, все праздные вещи, также как и все те, кто на этих пустых вещах основывал свои надежды на славу, на бессмертие, на счастье в этой или будущей жизни. Все, стремившиеся заслужить лишь людскую похвалу и получившие в этом мире награду, плод их тяжкого суеверия или слепого рвения, находят здесь как справедливое воздаяние, награду, столь же ничтожную, как их дела. Сюда собираются все произведения Природы, вышедшие из ее рук неоконченными или неудавшимися, в виде незрелых зародышей или чудовищ. Прекратив свое существование на земле, они летят сюда и бродят в пустоте до окончательного уничтожения. Здесь собирается все это, а не на соседней луне, как воображали некоторые. Нет, серебристые поля этой планеты, скорее, служат жилищем Святых или духов, занимающих середину между Ангелом и человеком. Из первых стеклись туда дети беззаконного союза сынов и дочерей земли, гиганты древнего мира с их тщеславными подвигами, прославившими их в свое время, строители, воздвигнувшие в равнине Сennaарской Вавилонскую башню. Преследуя безумную мечту, они и здесь построили бы новые Вавилоны, если бы было из чего. Иные являлись по одиночке в разные времена, как Эмпедокл, восторженно бросившийся в пламя Энты, чтобы его сочли богом, или Клеомброт[86 - Клеомброт – греческий юноша, который так увлекся учением Платона о бессмертии, что утопился, желая поскорее достигнуть его. Эмпедокл, ученик Пифагора, бросился в Этну в надежде, что вследствие его таинственного исчезновения ему станут поклоняться как богу. Но Этна выбросила железные сандалии, которые он носил, и все происшествие, вместо поклонения, возбудило смех.], бросившийся в море, чтобы скорее насладиться Елисейскими полями, о которых мечтал Платон. Но слишком долго было бы перечислять всех этих безумцев, неразвитых зародышей, идиотов, отшельников, монахов в белых, черных, серых одеждах[87 - Белые рясы носили монахи кармелитского ордена, черные – доминиканского, серые – францисканцы.], со всем их лицемерным притворством. Тут бродят пилигримы, в заблуждении своем искавшие на Голгофе Того, Кто живет на Небесах; святоши, которые облакаются перед смертью в рясу доминиканца или францисканца, надеясь под прикрытием этой одежды попасть в Рай. Вот они проходят семь планет[88 - Система Птолемея, которая, несмотря на открытия Галилея, держалась еще долгое время; после Мильтона эта система насчитывала 7 следующих планет: Луну, Солнце, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. Уран и Нептун не были еще известны.

Хрустальная сфера, т. е. чистая как хрусталь, по Птоломею, была подвержена некоторого рода качанию (Libra – весы). Считалось, что она первая пришла в движение – *primum mobile*, – и была первым двигателем, сообщив движение всем низшим сферам. О колебании или трепетании было много рассуждений, вследствие некоторой неправильности в движении звезд.], проходят неподвижные звезды и хрустальную сферу, которая первая пришла в движение и уравнивает колеблющиеся светила – предмет стольких рассуждений. У небесной двери Святой Петр со своими ключами как будто давно ожидает их. Вот они уже у небесной лестницы, они заносят ноги на ее ступени... но смотрите... стремительный порыв двух встречных ветров опрокидывает их и сносит на десять тысяч стадий вниз, в пустоту пространства. Видели бы вы, как кружились тут, разрываясь на клочки, клобуки, капюшоны, рясы, с теми, кого они облекали; как разносились ветрами святыни, четки, индульгенции, разрешения, помилования, буллы. Все это крутилось и взвивалось в вихре, уносясь далеко от земли в преддверие Ада, обширную бездну, названную с тех пор Раем Безумных[89 - Место, описываемое здесь Мильтоном, некоторые древние схоластики называли «Лимбо» или «Лимбус»; оно считалось как бы преддверием ада и находилось около его границ. Сюда, как думали, собирались души праведных людей, не допущенных на небо или в чистилище, и которым надлежало ожидать здесь всеобщего воскресения. Таковыми были патриархи и другие благочестивые люди древности, умершие до Рождества Христова. Отсюда название *Limbus Patrum*. Некоторые теологи признавали еще *Limbus Puerorum* или *Infantum*, такое же место, назначенное душам детей, умерших без крещения. Народное верование прибавило к этому еще *Limbus Tatuorum*, или Рай Безумных, вместилище тщеславия и всякой нелепости.]. Тогда место это было еще не заселено, никто не бывал здесь, но впоследствии лишь немногим оно стало незнакомо. На пути своем враг напал на этот темный шар; долго бродил он по нему, пока слабый луч света не привлек его к себе. Поспешно направляет он туда свои шаги. Издали видит он еще обширное здание, великолепными ступенями восходящее до стены небесной. На самом верху виднелось сооружение еще более роскошное и величавое, как бы врата царского дворца. Фронтон его горел золотом и алмазами; портал был залит блеском драгоценных камней Востока. Даже отдаленное подражание такому зданию невозможно на земле, и никакая кисть не способна изобразить его. Такова была лестница, по которой восходили и нисходили толпами Ангелы, блестящие хранители Неба, виденная во сне Иаковом, когда он, бежав от Исава в Харран, заснул под открытым небом, в поле близ Лузы. Пробудясь, он воскликнул: «Это врата небесные!»[90 - Бытие, гл. 28:17; 27:42,43.] Каждая ступень этой необъятной лестницы имела таинственное значение. Она не всегда стояла там, порой она невидимо уходила в Небеса. Под ней расстилалось море блестящим потоком яшм

и жемчугов; впоследствии, души праведных, покинув землю, стали переноситься через его поверхность на крыльях Ангелов или на небесных колесницах, несомых огненными конями[91 - Пророк Илия был взят на небо в колеснице, запряженной огненными конями. 4-я Книга Царств, 2:11.].

Теперь лестница эта была опущена, для того ли, чтобы соблазнить Врага легкостью подъема или для того, чтобы сильнее пробудить в нем скорбь о его печальном изгнании от врат блаженства. Прямо напротив этих ворот открывалась дорога, спускавшаяся на Землю к блаженной стране Рая, широкая дорога, гораздо шире той, что впоследствии вела на Сионскую гору и в Обетованную землю, возлюбленную Богом, хотя и этот путь был широк; по нему часто проходили Ангелы, чтобы возвещать тем счастливым племенам волю Всевышнего, и Сам Он с любовью взирал на них от Панеи[92 - Панея - город у верховьев Иордана. Вирсавия (колодец клятвы), место, где Авраам вырыл колодец и заключил союз с Авимелехом, царем Герарским. Бытие, 21:30, 51, 32.], у истока реки Иордан до Вирсавии, где Святая Земля граничит с Египтом и берегами Аравии. Так широко было отверстие, полагавшее пределы царству мрака, подобно берегам, сдерживающим волны океана. Отсюда, стоя на нижней ступени золотой лестницы, ведущей к вратам Неба, Сатана смотрит вниз, пораженный величиим мироздания. Так разведчик, всю ночь пробродив с опасностью для жизни по темным и пустым дорогам, достигает наконец вершины горы, и при первом отрадном проблеске зари неожиданно видит перед собою неизвестную землю с цветущими нивами, или великолепный город с блистающими шпилями и башнями, уже позолоченными лучами восходящего солнца. Таким же удивлением поражен дух зла, хотя он и привык к созерцанию Неба; но при виде всех этих миров, представших перед ним в такой красоте, еще более чем удивление, охватывает его зависть.

Взор его обнимал вселенную (Сатана стоял высоко над сводами всех миров, под тенью Ночи) от восточной точки Весов до той звезды[93 - Созвездие Овна; Андромеда, дочь эфиопского царя, была отдана в жертву морскому чудовищу и прикована к скале. Персей освободил ее, а боги переселили ее со всем семейством в царство созвездий.], на которую перенеслась Андромеда, далеко за горизонт Атлантического океана; потом обозревает он всю ее широту, от одного полюса до другого, и, не размышляя дальше, ринулся вниз к первой планете; быстро и легко рассекают его крылья чистый мраморный воздух[94 - Вероятно, здесь предполагается цвет воздуха, так как мрамор бывает разных цветов: белый (каррарский), черный, зеленый (генуэзский) и пестрый.], свободно пролетая извилистыми путями среди бесчисленных светил, которые издали казались ему блестящими звездами; вблизи же то были миры, или счастливые

острова, подобные, может быть, тем Гесперийским садам[95 - На далеком западе стоял сияющий дворец Гелиоса (Солнца) и знаменитые сады, состоявшие под наблюдением Гесперид, нимф запада.], что славились в древности своей красотой. О, чудные рощи, тенистые дубравы, цветущие долины, острова трижды счастливые, какие счастливыцы обитают на вас? Сатана не останавливается, чтобы узнать об этом. Одно только светило привлекает его взор: золотое Солнце, блеском более всего походящее на Небо; к нему направляет он свой полет в тиши небесной тверди (как он летел: вверх или вниз, от центра или к центру, или вдоль пространства – трудно сказать); он приближается к месту, где горит великое светило, изливающее потоки света на простые созвездия, совершающие свое круговращение далеко от его царственного взора. Этот звездный хоровод плавным и неизменным движением своим отмечает дни, месяцы и годы; быстро кружится он вокруг чудного светила, обращаясь всегда по направлению его магнетических лучей, благотворно согревающих вселенную и невидимо проникающих живительной силой в самые недра земные и глубину морскую; так дивно поставлена блестящая планета! На ней останавливается Враг, затемнив светлый шар Солнца таким малым пятном, какого, может, астроном и не разглядел бы в свою зрительную трубу.

Сатана поражен блеском светила, несравненного ни с чем на земле – ни с металлом, ни с камнем. Не все части его одинаковы, но все проникнуты ярким светом, как бывает проникнуто огнем раскаленное железо. Если сравнивать его с металлом, то частью оно было похоже на золото, частью на чистое серебро; если же уподобить его блеск драгоценным камням, то оно сияло всеми переливами карбункула, хризолита, или рубина, топаза, или всеми цветами двенадцати камней, блескующих на наперснике[96 - Вторая книга Моисеева «Исход», 39:8-14.] Аарона; или можно еще сравнить его с камнем, более существовавшим в мечтах, чем в действительности, с тем камнем, что здесь на земле так долго и тщетно искали философы, хотя своим могущественным искусством они сумели связать крылатого Гермеса, и даже в разных видах вызывали из моря древнего Протея[97 - Гермес – Меркурий (ртуть); Протей – морской бог – прорицатель (антимон). Здесь намек на эти два минерала, в числе многих других употреблявшихся алхимиками при опытах добывания золота.], с помощью химической колбы принуждая его принимать свой первобытный вид. Что ж удивительного, что те поля и страны выдыхают из себя чистый эликсир, что реки там текут золотом, если Солнце на таком далеком расстоянии от нас, одним чудодейственным прикосновением своих лучей, здесь, в темноте, творит с помощью земной влаги такое множество драгоценностей самых ярких красок и поразительной красоты?

Здесь Дьявол находит много новых предметов, достойных удивления, но они не поражают его. Широко и далеко бежит его взор – никакая тень, никакое препятствие не мешают зрению. Здесь все – одно солнечное сияние; как полуденное солнце сосредоточивает силу своих лучей на экваторе, так и здесь лучи его постоянно падают вертикально, поэтому здесь никогда не бывает тени; воздух здесь так чист и прозрачен, как нигде, и взор Сатаны проникает в неизмеримую даль. Вдруг он видит стоящего на горизонте светозарного Ангела, того самого, которого видел Иоанн[98 - Откровение Св. Иоанна Богослова, гл. 19–17.]. Лицо Ангела было отвернуто в другую сторону, но блеск его не был скрыт; на голове его сияла золотая тиара из солнечных лучей, чудные кудри золотистыми волнами рассыпались по крылатым плечам. Он, казалось, занят был исполнением какого-то важного поручения и погружен в глубокое размышление. Велика была радость нечистого духа при виде Ангела: теперь он надеялся найти вождя, который направит его блуждающий полет к Раю, счастливому жилищу человека, к месту, где должны были кончиться его странствия и начаться наши горести. Но прежде Сатана думает изменить свой вид, иначе опасаясь подвергнуть себя опасности или затруднению, и вот он превращается в юного херувима из младших чинов. Лицо его сияло небесной улыбкой, весь образ его был полон юной прелести, так искусно умел он притворяться. Воздушные кудри развеваются из-под золотого венца и ласкают его нежные ланиты; перья его крыльев блистают самыми яркими красками и усеяны золотыми блестками; вся одежда обличает в нем странника. Недолго оставался он незамеченным. Прежде чем он приблизился, к нему подошел один из Ангелов с лучезарным ликом. Сатана мгновенно узнает его – это Архангел Уриил[99 - Уриил (свет Господень). В книге Товита говорится о семи ангелах, стоящих непосредственно у престола Божия. Кн. Товита, 12:15. Об Урииле упоминается в третьей книге Ездры, гл. V, 20. Там же упоминаются имена других ангелов.], один из семи Ангелов, постоянно находящихся в окружении Бога; они всех ближе стоят к Его трону, ожидая Его велений: это Его очи; быстро пролетают Ангелы все Небеса или спускаются к Земле, разнося Его веления через сушу и воды, через моря и земли. Сатана приближается к нему и говорит: «Уриил, ты один из семи светлых Ангелов, стоявших в сиянии славы перед высоким тронном Господним, ты один из первых возвестителей Его великой воли в высочайших Небесах, где все небесные Духи с нетерпением ждут тебя, посланника Божия. И здесь, верно, по Высочайшей воле, ты исполняешь ту же почетную должность и, как око Господне, часто обзираешь это новое шаровидное творение? Меня влекло непреодолимое желание увидеть, узнать чудный новый мир, а главное – Человека, которого так возлюбил и облагодетельствовал Господь и для которого создал все эти дивные творения. Я оставил хоры херувимов и одиноко предпринял неведомый путь. Скажи мне, о лучезарнейший из серафимов, какой

из всех этих блестящих шаров назначен быть жилищем человеку? Или у него нет определенного жилища, и он может выбирать по своей воле тот или другой из этих светлых миров? Я желал бы найти его, чтобы тайно или явно с восхищением взглянуть на того, кому всемогущий Творец даровал миры, излив на него все свои щедроты. Да восхвалим мы оба в этом новом творении, как и во всех делах Его, имя Творца Вселенной, правосудно изгнавшего мятежных Ангелов в преисподнюю, а для вознаграждения этой потери сотворившего новый счастливый род – Человека, ожидая от него большей преданности себе. Премудры все пути Его!» – так говорил вероломный лицемер, не будучи узнан: притворство обманывает Ангелов так же, как и людей. Из всех пороков, допускаемых волею Провидения на земле и на Небесах, он единственный ходит скрытно для всех, кроме одного Бога. И часто Разум бодрствует, но Подозрение засыпает у его двери, или предоставляет ее охрану Простоте, а Доброта не подозревает зла там, где его не видно. Вот почему тогда был обманут сам Уриил, правитель Солнца, Дух, одаренный самым пронизательным зрением. На лживую речь дерзкого самозванца он чистосердечно отвечает: «Прекрасный Ангел, твое желание видеть новые творения Господни, чтобы прославить великого Зиждителя, не заслуживает порицания. Напротив, чем сильнее оно, тем более достойно похвалы; значит, горячо оно было в тебе, если ты оставил твою небесную обитель и в одиночестве предпринял этот путь, чтобы собственными глазами видеть то, о чем другие довольствуются знать по рассказам, какие доходят до них на Небе. Действительно, дивны все создания Творца, созерцание их радует душу и навеки остается в памяти, как одно из лучших наслаждений! Какой ум может исчислить их или постигнуть бесконечную премудрость, вызвавшую их к жизни, но сокрывшую их глубокие причины? Я видел, как по Его слову бесформенная масса, первоначальная материя земли, стала слагаться в одно целое: Хаос услышал голос Всемогущего, дикое Смятение покорилося закону, Беспредельность вступила в пределы. По второму Его велению, Мрак бежал, воссиял Свет, из Неустройства возник Порядок. Стихии плотные и тяжелые: Земля, Вода, Огонь, Воздух, быстро заняли свое определенное место; эфирное же вещество Небес поднялось вверх; мало-помалу оно стало свертываться в шарообразные формы и превратилось в бесчисленные звезды, какими ты их видишь в Небе; каждая из них имеет свое назначенное место, свое течение. Остальное, словно стеной, окружает вселенную. Взгляни вниз, на тот шар; сторона его, обращенная к нам, светится отраженным отсюда светом. Это Земля, жилище Человека. Свет, изливаемый отсюда, дает ей день, иначе ею завладела бы ночь, царствующая теперь на противоположном полушарии; но и там благодетельно является на помощь близкая Луна (так называется прекрасная планета, что ты видишь по ту сторону земли). Она ежемесячно завершает свой круг, постоянно возобновляя его в небесных равнинах, откуда

тройственный лик ее заимствует свет и, наполняясь им, снова возвращает его от себя, чтобы освещать Землю; бледные лучи светила изгоняют мрак ночи. Видишь то место, что я тебе показываю? Это и есть Рай, жилище Адама, а та густая тень – его шатер. Теперь ты не можешь сбиться с пути; я же должен спешить по своим делам», – так сказал Ангел и отправился в свой путь.

Сатана почтительно склонился перед ним: так повелевает обычай Неба, где высшим Духам всегда воздаются должные почести и уважение низшими чинами Ангелов[100 - Св. Дионисий Ареопагит говорит, что ангелы разделяются на девять ликов, а сии девять – на три чина. В первом чине находятся ангелы, ближайšie к Богу: херувимы и серафимы. Во втором чине: власти, господства и силы. В третьем: ангелы, архангелы, начала. («Православно-догматическое богословие» Макария. Т. I, § 66).]. Простясь, он ринулся с Солнца вниз, к земному шару; надежда на успех придает еще больше быстроты его крыльям, и, описывая в воздухе еще большие круги, стремительно несется он, не останавливаясь, пока не достигает вершины Нифата[101 - Нифат – гора в Армении, вблизи которой Мильтон помещает Рай.].

Песнь 4-я

Содержание

Сатана вблизи Эдема, того места, где он должен привести в исполнение дерзкое предприятие против Бога и Человека – предприятие, которое он один взял на себя. Им овладевают различные страсти: страх, зависть, отчаяние; наконец, он утверждает в своем злом намерении и направляется к Раю. Сатана переступает его пределы; садится в виде морского ворона на Древо Жизни, как на самое высокое в саду, с целью осмотреться кругом. Описание Сада: Сатана в первый раз видит Адама и Еву; его удивление при виде совершенства их форм и счастливого состояния, но это не изменяет его решения погубить их; он подслушивает их разговор, потом узнает, что им запрещено под страхом смерти вкушать от Древа Познания; на этом намеревается он основать свое искушение, склонив их на послушание; потом оставляет их на некоторое время, чтобы какими-либо средствами еще больше разузнать об их состоянии. Между тем Уриил, спустясь на солнечном луче, предостерегает Гавриила, в обязанности которого входило охранение райских врат, что какой-то злой дух бежал из

бездны, и в полдень пролетал через его сферу в виде доброго Ангела, вниз, к Раю, но потом выдал себя на горе дикими своими движениями. Гавриил обещает разыскать его до восхода солнца. С наступлением ночи, Адам и Ева говорят о том, что им надо идти на покой; описание их шалаша; их вечерняя молитва. Гавриил выводит отряды своей ночной стражи для обхода вокруг Рая, посылает двух сильных Ангелов к шалашу Адама из опасения, чтобы злой дух не причинил вреда Адаму и Еве во время их сна; там Ангелы застают над ухом Евы Сатану, соблазняющего ее во сне, и насильно ведут его к Гавриилу; Архангел допрашивает его, он дает презрительный ответ, готовится к сопротивлению, но знак с Неба останавливает его, и он бежит из Рая.

О, зачем молчал тогда тот благодетельный голос, громко раздавшийся с Неба пророку, видевшему откровение Апокалипсиса[102 - Откровение Св. Иоанна, гл. 12.10-13.], когда вторично пораженный Дракон яростно устремился на землю, чтобы выместить свою злобу на человеческом роде!

«Горе живущим на земле!» – вещал тот голос. О, если б наши прародители могли слышать его, пока еще было время; предостереженные против тайного врага, они, может быть, избегли бы его пагубных сетей. Вот он уже тут, пылающий злобой. Сперва искушитель, потом обвинитель человечества, он хочет, чтобы невинный и слабый человек поплатился за все его потери в первой битве и низвержение в Ад. Однако, как ни был он дерзок и бесстрашен вдали от пели, теперь быстрое приближение к ней не радует его, и, приступая к своему отважному предприятию, он не может похвалиться смелостью. Ужасная мысль, созрев теперь вполне, кипит и бушует в его мятежной груди, подобно адской машине, которая извергает смертоносные заряды. Сомнение и ужас потрясают его смущенный дух; со дна души целый Ад встает перед ним-. Ад – его неразлучный спутник; он всегда внутри его и вокруг него. Ни на один шаг не может он бежать от Ада, где бы он ни был, он не может скрыться от самого себя. Теперь Совесть будит дремавшее Отчаяние; в душе падшего Ангела пробуждается горькое воспоминание о том, чем он был, чем стал, чем будет еще, когда большие злодеяния навлекут на него еще более жестокие страдания. То обращает он свой печальный взор к Эдему, который лежал перед ним во всей своей красоте, то с глубокой скорбью взглянет на Небо и на Солнце, во всем блеске пылающее на своем полуденном троне, и после долгих, мучительных дум, произносит со вздохом:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Музы, или богини искусств и наук – образы римской и греческой мифологии; они возбуждают великодушие, направляют сердца к добру, поучают и вдохновляют смертных; поэтому древние поэты часто прибегали к помощи муз; этот обычай перешел и к поэтам позднейшего времени, например, «Мессиада» Клопштока начинается таким же воззванием.

2

Хорив – гора в пустыне каменистой Аравии, где Моисей пас стада Ихэфора, когда ему явился Бог в огненном кусте.

3

В первой книге Моисея «Бытие» говорится о сотворении мира.

4

Источник у подошвы Сионской горы; водой его Иисус Христос исцелил слепорожденного.

5

Святая святых в Иерусалимском храме, где первосвященники в затруднительных случаях просили совета у Бога. По сказаниям раввинов, ответ получался через появление известных букв на нагруднике первосвященников. В Св. Писании об этом ничего не говорится.

6

Гора Геликон – жилище муз греческой мифологии. Здесь намекается на то, что поэт стремится к таким высоким вещам, для которых недостаточно вдохновения этих муз.

7

Вельзевулу поклонялись филистимляне; идол его стоял в Аккароне; позднее его считали начальником над злыми духами.

8

Сатана – еврейское слово, означает «враг».

9

Титаны или гиганты – существа греческой мифологии, воевавшие с богами; Бриарей – один из трех братьев-чудовищ, имевших сто рук и пятьдесят голов. Они помогли богам победить Титанов. Тифон – гигант, порождавший бури и, временами, извергавший из себя пламя.

10

Об этом водяном животном упоминается в Библии.

11

Пелор – северо-восточный мыс Сицилии.

12

Волны Стикса – реки, которая, по мифологии, семь раз опоясывала подземный мир.

13

Галилей – изобретатель телескопа. Мильтон, в свою бытность в Италии, посещал в Сиене, близ Флоренции, знаменитого астронома, ослепшего и, вследствие преследований инквизиции, томившегося в изгнании.

14

Фиезольская гора, возвышающаяся над Флоренцией и ее окрестностями.

15

Вальдарно – место, где находится теперь Флоренция.

16

Валломброза – лесистая местность в нескольких милях от Флоренции.

17

Орион – великан и отважный охотник, получивший от отца своего, Нептуна, способность ходить по морю; он был поселен среди звезд и образовал созвездие, в котором насчитывается до 2000 звезд. Орион считался богом ветров.

18

Бузирисами называли на берегах Чермного моря фараонов из Бузириса, города у восточного рукава Нила.

19

Израильтяне, вышедшие из Египта.

20

Моисей

21

Здесь Сатана назван султаном, вероятно, потому, что во времена Мильтона турецкие полчища часто наводняли христианские земли, например, Венгрию, Австрию.

22

См. «Исход», глав. 32:33.

23

Молох или Малькам, бог аммонитян, которому приносились человеческие жертвы.

24

Рабба – главный город аммонитян.

25

Аргоб – местность к востоку от Генисаретского озера, в царстве Васанском.

26

Арнон – ручей, служивший границей между землями моавитян и аммонитян.

27

Тофет – место в Енномской долине, к юго-востоку от Иерусалима; там израильтяне, предавшиеся идолопоклонству, приносили жертвы Молоху, сжигая детей на кострах.

28

Хамос – бог моавитян; он назывался также Тором, Ваалом и Веелом.

29

«Пророчество Исая», 15:5, «Иеремии», 40:35.

30

Мертвое море.

31

Ситтим – моавитская долина напротив Иерихона, последняя остановка израильтян перед переходом через Иордан; там они были вовлечены моавитянами в идолопоклонство. См. «Книга Чисел», 25:3.

32

Это были преимущественно идола сидонцев, финикиян и самаритян. Под именем Ваала подразумевалось солнце; Астарта, или луна, считалась его супругой.

33

Таммуз – сирийский Адонис; по их верованию, бог этот каждый год умирал и снова оживал. Женщины ежегодно оплакивали его судьбу и предавались в честь бога пороку. См. «Иезекииль», 8:13, 14.

34

«Иезекииль», 8:12.

35

Женское божество филистимлян.

36

Риммон – сирийское божество, см. «Книга Царств», 4:5,18. Дамаск – древний город Сирии, был известен уже во времена Авраама.

37

Нааман – полководец сирийского царя Бенадада, был поражен проказой и, услышав о чудодейственной силе пророка в Самарии, обратился к израильскому царю Ахазу, который послал его к пророку Елисею. Когда тот исцелил его, приказав семь раз выкупаться в Иордане, Нааман отказался от идолопоклонства, но царь иудейский Ахаз, низвергший идолов, сам сделался идолопоклонником.

38

Озирис – египетское божество благотворной, созидательной силы солнца, света, – брат и супруг Изиды, Гора – их сын.

39

См. «Исход», 11:2, 36 и 32:2–4.

40

Иероваам.

41

Велиал – бог ада, олицетворение низости.

42

См. «Кн. Судей», глава 19–20.

43

Иован – Иафет.

44

Небо и Земля (Ураний и Гея), по Гезиоду, греческ. поэту IX-го столет. до Р.Х., были первой парой богов, Кронос и Рея – второй, Юпитер и Юнона – третьей.

45

Ида – священная гора на острове Крите, в пещерах которой воспитывался Юпитер.

46

В Дельфах был оракул Аполлона, в Додоне – оракул Юпитера.

47

Пигмеи – сказочный народ необыкновенно малого роста, живший в средней Африке, около истоков Нила, и будто бы всегда воевавший с журавлями, которых эти люди не превышали величиной. Плиний говорит, что их дома строились из яичных скорлуп.

48

По мнению некоторых авторов, война великанов, в которой принимал участие Геркулес, происходила на Флегрийских полях, близ Кум, в южной Италии.

49

Греческие Фивы и Троя.

50

Сын Уфера, Артур или Артус, мифический король бритов. По словам легенды, Артур жил в Цермоне, в Валлисе, со своей прекрасной супругой Гиневрой, окруженный блестящим двором, где первая роль принадлежала 12 рыцарям, которых сам король выбирал среди самых благородных и храбрых, и которые собирались всегда за круглым столом. Арморейя – Бретань, бывшая также под властью Артура.

51

Аспрамонт (суровая гора), на юго-западе Италии; там происходили битвы с сарацинами. Монтальбан – гора, в 12 милях от Рима, где произошло решительное сражение между горациями и курияциями. Требизонд – Трапезунд, – Бизерт, город в Тунисе, на берегах Средиземного моря.

52

Маммон – сиро-халдейское слово, означает богатство, по-гречески Плутос.

53

Мемфис.

54

Одно из прозвищ Вулкана

55

Здесь пигмеи помещены в Индию, как вообще сказочную страну, куда еще не проникли европейцы.

56

Ормуз – остров на Красном море, богатый жемчугом.

57

Стигийский, – принадлежащий подземному миру, от реки Стикса, протекавшей, по греческой мифологии, в подземном царстве; через эту реку Харон перевозил в лодке души умерших.

58

Алкид – имя Геркулеса до его обоготворения, от имени его дяди, Алкая. Еврит, повелитель Эхалии, обещал дать в супруги Геркулесу дочь свою Иолу, но не сдержал слова. Геркулес собрал отряд воинов, чтобы наказать Еврита за нарушение обещания. Эхалия была покорена, царь умерщвлен и Иола уведена пленницей Геркулеса. На обратном пути, у одного из предгорий Эхалии, Геркулес воздвиг алтарь Юпитеру; готовясь к жертвоприношению, он послал герольда Лихаса к своей супруге за праздничной одеждой. От этого посланца, Дейатра, жена Геркулеса, узнала об Иоле, и, боясь, чтобы эта последняя не

отняла у нее любовь героя, вспыснула одежду кровью центавра Несса, в надежде закрепить этим за собою любовь супруга; но так как кровь центавра сама была отравлена стрелой Геркулеса, умертвившего его, то одежда отравила и Геркулеса. Боль привела его в бешенство, он хотел сбросить одежду с плеч, но она как бы приросла к телу, и вместе с нею он вырывал куски мяса. В ярости, он схватил Лихаса за обе ноги и бросил его далеко в море, сам же взошел на костер, откуда, при ударах грома, в облаке был унесен на небо.

59

Для описаний ада Мильтон пользуется языческими представлениями тартара, царства Плутона и Прозерпины, в котором помещались дворцы Сна, Сновидений, Ночи, Евменид и Горгон. Они были окружены медной стеной, медные ворота охранялись страшнейшими существами, каких только могла создать необузданная фантазия. Стикс, Ахерон, Коцит и Пирифлегонт протекали через тартар и вокруг него. Тартар был отдален от земли на столько, на сколько земля отдалена от неба. Ночь окружает его тройным поясом, так что туда не может проникнуть ни единого солнечного луча. Флегетон – ужасная адская река, в которой вместо воды протекал огонь, увлекаая раскаленные скалы.

60

Сербонское озеро и болото близ истоков Нила. Дамьета – город, игравший важную роль во время крестовых походов.

61

У Гомера Гарпии называются богинями бури, быстрыми, но прекрасными; Гезиод также говорит о них, как о богинях быстрокрылых, с прекрасными кудрями; однако уже у Эсхила они представляются безобразными крылатыми чудовищами, в виде хищных птиц с истощенными лицами; боги посылали их дая.

наказания преступников.

62

Медуза – одна из трех сестер, называемых Горгонами. Их представляют с головой, покрытой вместо волос шипящими змеями, с железными когтями, огромными зубами и крыльями. Горгоны были сначала одарены необыкновенной красотой, но потом за гордость боги превратили их в чудовищ.

63

Тантал – богатый лидийский и фригийский князь, любимец богов, был низвергнут в тартар, где должен был стоять до подбородка в воде; подле него с дерева свешивались чудные плоды, но он должен был постоянно страдать от голода и жажды, так как только он делал попытку дотронуться до пищи и питья, как то и другое отдалялось от его уст.

64

Гидра, как большинство чудовищ, считается в мифологии порождением Тифона и Эхидны. Гидра имела змеиное или звериное тело с несколькими головами. Химера – чудовище того же происхождения. Гомер описывает ее так: «спереди – лев, сзади – дракон и козел в середине, дышит пламенем...»

65

Тернат и Тидор принадлежат к группе Молуккских островов, производящих пряности.

66

Цербер, сын Тифона и Эхидны, – пёс, стерегущий ад; обыкновенно его представляют с тремя головами, но некоторые поэты придают им ещё больше.

67

Сцилла – сицилийская нимфа, которая с отчаяния, вследствие несчастной любви, бросилась в воду и была превращена в скалу.

68

Сицилия.

69

Фурии – дочери Ахерона и Ночи, называвшиеся у греков Евменидами – ужасные, гневные богини мести; их три сестры: Алектэ, Мегера и Тизифона. Этих подземных богинь представляли в самых отвратительных образах: с искаженными чертами лица, с глазами, мечущими пламя, когтистыми, вооруженными бичом из змей. То, что Мильтон изображает адское чудовище с подобием короны на голове, объясняется ненавистью поэта к этому предмету.

70

Змееносцем называется большое созвездие сев. полушария, которое находится над созвездиями Зодиака, Скорпиона и Стрельца. Оно имеет вид растянувшегося громадного змея, с короной на северной стороне; в нем насчитывается 136 звезд, из которых особенно выделяются 2 звезды второй величины и 12 звезд третьей величины.

71

Сатана, первый нарушитель мира и верности, справедливо признается отцом греха. «Через грех пришла в мир смерть», – говорит Св. писание. На сопоставлении Сатаны, греха и смерти основывает Мильтон свое описание. Как из головы Зевса вышла Афина, богиня мудрости, так у Мильтона из головы Сатаны рождается грех. Он появляется с левой стороны, как худшей, точно так же, как для сотворения Евы было взято у Адама ребро с левой стороны (см. песнь 10-я).

72

Эреб – мрачный проход, ведущий в Гадес, жилище Плутона.

73

Барка, древняя Киренаика или Ливия, – обширная равнина в Варварийских землях, вдоль Средиземного моря, простирающаяся от залива Сидра до Египта.

74

Беллона – богиня войны, сестра Марса. Храм ее в Риме пользовался большим почетом; в нем собирался сенат, когда назначался триумф победоносному полководцу или для приема послов от враждебной стороны.

75

Гриф – сказочное животное, полуорел, полулев; его представляют охранителем золотых руд. Аримаспы, по Геродоту, мифический одноглазый народ, считавшийся искусным в добывании золота.

76

Из слов: «да будет свет» следует заключить, что ночь была прежде дня, прежде мироздания.

77

Под именем Оркуса подразумевается Плутон. Гадес, Демогоргон – адские божества; последнему приписывали большое могущество и верили, что употребление его имени влекло страшные последствия.

78

Арго – корабль, на котором греческие герои отправились в Колхиду для завоевания золотого руна.

79

Харибда – нимфа, жившая недалеко от Сциллы, на утесе, под нависшим фиговым деревом, и угрожавшая смертью всем проезжавшим мимо; чтобы утолить свой голод, она пожирала целые корабли со всем, что на них находилось. По три раза в день она вбирала в себя морскую воду и столько же раз выбрасывала. Вбирая воду, воронкообразная пучина втягивала в себя все, что было вблизи, извергая её – откидывала корабли назад к Сцилле. Об этих двух водоворотах латинская пословица говорит: «*Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim*». Одиссея, XII.

80

Орфей – сын музы Каллиопы и Аполлона, знаменитый фракийский певец. Искусным пением Орфей приобрел себе бессмертную славу; своими дивными песнями он заставлял двигаться камни и деревья, укрощал диких зверей. Когда умерла его жена Евридика, он решил спуститься в подземный мир, попросить Плутона вернуть ему нежно любимую супругу. Волшебные звуки его пения так тронули повелителя царства теней, что тот согласился на его просьбу. Как Орфей, так и Мильтон, в первых двух песнях, как бы спускался в бездну ада и царства Хаоса.

81

Тамирис был фракийский поэт, о котором упоминает Гомер; Меонид – имя, даваемое самому Гомеру по его отцу, Меоне. Тирезиас и Финей – два знаменитых в древности певца, славившихся своими пророчествами в стихах. Первый из них фиванец, второй – аркадийский царь.

82

По учению Кальвина и некоторых других богословов, между прочим и св. Августина, предопределение относительно блаженства избранных и осуждения всех остальных, есть избрание по милости; по этому учению, одной части человечества было бы от вечности предназначено блаженство, другой – вечные муки. Мильтон, как ясно видно, противник такого взгляда.

83

Елисейские поля – жилище святых, где всегда светит солнце. Гезиод говорит об островах святых, где живут герои, наслаждаясь счастьем, и земля три раза в год приносит плоды.

84

Снежные вершины Гималайских гор.

85

По рассказам древних, многие кочевые народы ездили по степи в кибитках, к которым были прикреплены паруса. Серика – местность, занимаемой ныне частью Малой Бухары и северо-западным Китаем.

86

Клеомброт – греческий юноша, который так увлекся учением Платона о бессмертии, что утопился, желая поскорее достигнуть его. Эмпедокл, ученик Пифагора, бросился в Этну в надежде, что вследствие его таинственного исчезновения ему станут поклоняться как богу. Но Этна выбросила железные сандалии, которые он носил, и все происшествие, вместо поклонения, возбудило смех.

87

Белые рясы носили монахи кармелитского ордена, черные – доминиканского, серые – францисканцы.

88

Система Птолемея, которая, несмотря на открытия Галилея, держалась еще долгое время; после Мильтона эта система насчитывала 7 следующих планет: Луну, Солнце, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. Уран и Нептун не были еще известны. Хрустальная сфера, т. е. чистая как хрусталь, по Птолемею, была подвержена некоторого рода качанию (Libra – весы). Считалось, что она первая пришла в движение – *primum mobile*, – и была первым двигателем, сообщив движение всем низшим сферам. О колебании или трепетании было много рассуждений, вследствие некоторой неправильности в движении звезд.

89

Место, описываемое здесь Мильтоном, некоторые древние схоластики называли «Лимбо» или «Лимбус»; оно считалось как бы преддверием ада и находилось около его границ. Сюда, как думали, собирались души праведных людей, не допущенных на небо или в чистилище, и которым надлежало ожидать здесь всеобщего воскресения. Таковыми были патриархи и другие благочестивые люди

древности, умершие до Рождества Христова. Отсюда название Limbus Patrum. Некоторые теологи признавали еще Limbus Puerorum или Infantum, такое же место, назначенное душам детей, умерших без крещения. Народное верование прибавило к этому еще Limbus Tatuorum, или Рай Безумных,местилище тщеславия и всякой нелепости.

90

Бытие, гл. 28:17; 27:42,43.

91

Пророк Илия был взят на небо в колеснице, запряженной огненными конями. 4-я Книга Царств, 2:11.

92

Панея – город у верховьев Иордана. Вирсавия (колодец клятвы), место, где Авраам вырыл колодец и заключил союз с Авимелехом, царем Герарским. Бытие, 21:30, 51, 32.

93

Созвездие Овна; Андромеда, дочь эфиопского царя, была отдана в жертву морскому чудовищу и прикована к скале. Персей освободил ее, а боги переселили ее со всем семейством в царство созвездий.

94

Вероятно, здесь предполагается цвет воздуха, так как мрамор бывает разных цветов: белый (каррарский), черный, зеленый (генуэзский) и пестрый.

95

На далеком западе стоял сияющий дворец Гелиоса (Солнца) и знаменитые сады, состоявшие под наблюдением Гесперид, нимф запада.

96

Вторая книга Моисеева «Исход», 39:8-14.

97

Гермес – Меркурий (ртуть); Протей – морской бог – прорицатель (антимон). Здесь намек на эти два минерала, в числе многих других употреблявшихся алхимиками при опытах добывания золота.

98

Откровение Св. Иоанна Богослова, гл. 19-17.

Уриил (свет Господень). В книге Товита говорится о семи ангелах, стоящих непосредственно у престола Божия. Кн. Товита, 12:15. Об Урииле упоминается в третьей книге Ездры, гл. V, 20. Там же упоминаются имена других ангелов.

Св. Дионисий Ареопагит говорит, что ангелы разделяются на девять ликов, а сии девять – на три чина. В первом чине находятся ангелы, ближайšie к Богу: херувимы и серафимы. Во втором чине: власти, господства и силы. В третьем: ангелы, архангелы, начала. («Православно-догматическое богословие» Макария. Т. I, § 66).

Нифат – гора в Армении, вблизи которой Мильтон помещает Рай.

Откровение Св. Иоанна, гл. 12.10–13.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/dzhon-milton/poteryannyu-ray-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)